

МЕЖДУНАРОДНЫЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Научное периодическое издание

№ 1 (январь-март) 2025 год

Учредитель: доктор юридических наук, профессор Грудцына Л.Ю.

Издатель: Юридическое издательство «Юркомпани»

Журнал выходит с 2025 г., включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и зарегистрирован в Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU.

Выходит один раз в три месяца

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Свидетельство о регистрации СМИ Эл № ФС 77-54664 от 9 июля 2013 г.)

Адрес офиса редакции: 121596, г. Москва, ул. Горбунова, д. 2, стр. 3. Офис Б 218. Этаж 2. Бизнес-центр “Гранд Сетунь Плаза”.

Для писем: 121614, г. Москва, ул. Крылатские Холмы, д. 28, к. 57.

Home page: <https://academic.law-books.ru>

E-mail: editor@law-books.ru

Многоканальный (по России): +8-800-700-45-88

WhatsApp: +7-926-125-33-23

МЕЖДУНАРОДНЫЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Научное периодическое издание

Научно-правовой журнал «Международный академический журнал» - ежеквартальное научно-правовое сетевое издание, посвященное теоретическим и практическим проблемам конституционного (государственного) права, гражданского права, международного права, международного правотворчества, изучению проблем теории и истории государства и права, актуальным вопросам государственно-правовых наук, а также обязательственному и корпоративному праву, вопросам взаимодействия международного публичного и международного частного права.

Главный редактор: Сангаджиев Бадма Владимирович

**Первый заместитель главного редактора
(координатор региональных представительств):** Гандалоев Руслан Баширович

Заместитель главного редактора: Шайхуллин Марат Селирович

Председатель Редакционного совета: Иванова Светлана Анатольевна

Корректор: Дребезгова Юлия Дмитриевна

Компьютерная верстка: Ерошина Екатерина Андреевна

Дизайн: Ерцев Роман Александрович

Научные специальности журнала:

- 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.
- 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
- 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.
- 5.1.5. Международно-правовые науки.

Scientific specialties of the journal:

- 5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.
- 5.1.2. Public law (state-legal) sciences.
- 5.1.3. Private legal (civilistic) sciences.
- 5.1.5. International legal sciences.

При использовании опубликованных материалов ссылка на научно-периодическое издание «Международный академический журнал» обязательна. Материалы, опубликованные в журнале, могут быть размещены в электронных правовых базах и справочных системах.

Все присланные рукописи проходят обязательное рецензирование.

Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОВЕТ

- **Арройо Эна Росьо Карнеро**— Ph.D., Professor (Перу), заведующий кафедрой политических и публично-правовых наук юридического факультета Национального университета Трухильо
- **Безерра Феликс Валуа Гуара**— Juris Doctor (Бразилия), директор стратегических программ и деятельности Секретариата планирования и модернизации государственного управления штата Токантинс.
- **Велиев Исахан Вейсал оглы**— доктор юридических наук, профессор (Азербайджанская Республика)
- **Деян Вучетич**— доктор юридических наук, доцент кафедры публично-правовых наук юридического факультета Университета г. Ниш (Сербия)
- **Джун Гуан**— проф., зам. декана Института экономики и бизнес-администрирования, Пекинский технологический университет (Китай)
- **Лаи Дешенг**— проф., декан Института экономики и бизнес-администрирования, Пекинский технологический университет (Китай)
- **Марек Вочозка**— проф., ректор Института технологий и бизнеса Высшей школы техники и экономики (Чехия)
- **Нематов Акмал Рауфджонович**— доктор юридических наук, доцент, заведующий отделом теоретических проблем современного государства и права Института философии, политологии и права Академии наук Республики Таджикистан (Таджикистан)
- **Она Гражина Ракаускиене**— проф., Университет им. Миколаса Ромериса (Литва)
- **Предраг Димитриевич**— доктор юридических наук, профессор административного права, декан юридического факультета Университета г. Ниш (Сербия)
- **Тепман Леонид Наумович**— доктор экономических наук, профессор (Дом ученых г. Хайфа. Израиль)
- **Чирич Александр**— доктор юридических наук, профессор международного торгового права, заведующий кафедрой торгового права юридического факультета Университета г. Ниш (Сербия)

INTERNATIONAL COUNCIL

- **Arroyo Ena Rosio Carnero** — Ph.D., Professor (Peru), Head of the Department of Political and Public Legal Sciences, Faculty of Law, National University of Trujillo
- **Bezerra Félix Valois Guara** — Juris Doctor (Brazil), Director of Strategic Programs and Activities of the Secretariat for the Planning and Modernization of Public Administration of the State of Tocantins
- **Veliyev Isakhan Veysal oglu** — Doctor of Law, Professor (Republic of Azerbaijan)
- **Dejan Vucetich** — Doctor of Law, Associate Professor, Department of Public Legal Sciences, Faculty of Law, University of Niš (Serbia)
- **Jun Guang** — Professor, Deputy Dean of the Institute of Economics and Business Administration, Beijing University of Technology (China)
- **Lai Desheng** — prof., Dean, Institute of Economics and Business Administration, Peking University of Technology (China)
- **Marek Vochozka** — prof., Rector of the Institute of Technology and Business of the Higher School of Technology and Economics (Czech Republic)
- **Nematov Akmal Raufdzhonovich** — Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Theoretical Problems of the Modern State and Law of the Institute of Philosophy, Political Science and Law of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan (Tajikistan)
- **Ona Gražina Rakauskienė** — prof., Mykolas Romeris University (Lithuania)
- **Predrag Dimitrijevic** — Doctor of Law, Professor of Administrative Law, Dean of the Faculty of Law, University of Niš (Serbia)
- **Tepman Leonid Naumovich** — Doctor of Economics, Professor (House of Scientists of Haifa, Israel)
- **Čirić Aleksandar** — Doctor of Law, Professor of International Trade Law, Head of the Department of Trade Law, Faculty of Law, University of Niš (Serbia)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель: **С.А. Иванова** — доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, эксперт РАН, Почетный адвокат России

• **Ж.А. Бокоев** — кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права юридического факультета Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына, Член Совета по судебной реформе при президенте Кыргызской Республики

• **А.П. Галоганов** — доктор юридических наук, Заслуженный юрист России, президент Адвокатской палаты Московской области, президент Федерального союза адвокатов России, вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов

• **В.Н. Жуков** — доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, главный научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права Института государства и права Российской академии наук

• **С.Д. Каракозов** — доктор педагогических наук, профессор, проректор, директор Института математики и информатики Московского педагогического государственного университета

• **В.В. Комарова** — доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права РФ Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

• **Г.Б. Мирзоев** — доктор юридических наук, профессор, президент Гильдии российских адвокатов, ректор Российской академии адвокатуры и нотариата, академик РАЕН, Почетный доктор Бридчпортского Университета (США), Почётный доктор философии университета «EuroSwiss»

• **Р.М. Мырзалимов** — доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права юридического факультета Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына, Член Редакционного совета Вестника Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики

• **Н.К. Потоцкий** — доктор юридических наук, профессор, профессор Института международного права и экономики имени А.С. Грибоедова

• **К.Х. Рахимбердин** — доктор юридических наук, председатель правления Палаты юридических консультантов Восточно-Казахстанской области, профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса ВКГУ им. С. Аманжолова, обладатель звания «Лучший преподаватель вуза» Министерства образования и науки Республики Казахстан (2007 г., 2013 г.).

• **Б.С. Эбзеев** — доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда РФ (в отставке), член ЦИК России

• **Н.Д. Эриашвили** — доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Академии Генеральной прокуратуры РФ, профессор кафедры предпринимательского и трудового права Института государственного управления и права Государственного университета управления.

EDITORIAL BOARD

Chairman: **S.A. Ivanova** — Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Finance University under the Government of the Russian Federation, Expert of the Russian Academy of Sciences, Honorary Lawyer of Russia

• **Zh.A. Bokoev**— Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of Constitutional and Administrative Law, Faculty of Law, Zhusup Balasagyn Kyrgyz National University, Member of the Council on Judicial Reform under the President of the Kyrgyz Republic

• **A.P. Haloganov**— Doctor of Law, Honored Lawyer of Russia, President of the Moscow Region Bar, President of the Federal Union of Lawyers of Russia, Vice President of the International Union (Commonwealth) of Lawyers

• **V.N. Zhukov**— Doctor of Law, Doctor of Philosophy, Professor, Professor, Department of State Theory and Law and Political Science, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University, Chief Researcher, Philosophy of Law, History and State Theory and Law, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences

• **S.D. Karakozov**— Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Vice-Rector, Director of the Institute of Mathematics and Informatics of Moscow Pedagogical State University

• **V.V. Komarova**— a doctor of jurisprudence, professor managing department of the constitutional and municipal right of the Russian Federation of the Moscow state legal university of O.E. Kutafin (MGYuA)

• **R.M. Myrzalimov**— Doctor of Law, Professor, Department of Constitutional and Administrative Law, Faculty of Law, Zhusup Balasagyn Kyrgyz National University, Member of the Editorial Council of the Bulletin of the Constitutional Chamber of the Supreme Court of the Kyrgyz Republic

• **N.K. Pototsky**— Doctor of Law, Professor, Professor of the A.S. Griboedov Institute of International Law and Economics

• **K.Kh. Rakhimberdin**— Doctor of Law, Chairman of the Board of the Chamber of Legal Advisors of the East Kazakhstan Region, Professor of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure, VKSU named after S. Amanzholova, holder of the title «Best University Teacher» of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (2007, 2013)

• **B.S. Ebzeev**— Doctor of Law, Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation (retired), Member of the CEC of Russia

• **N.D. Eriashvili**— Doctor of Economics, Candidate of Legal Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, Professor of the Department of Entrepreneurial and Labor Law of the Institute of Public Administration and Law of the State University of Management

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: **Б.В. Сангаджиев**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»

Первый заместитель главного редактора: **М.С. Шайхуллин**, доктор юридических наук, доцент, руководитель Центра государственно-правовых исследований Евразийского научно-исследовательского института проблем права

Заместитель главного редактора: **В.Б. Рыжов**, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета

- **Е.В. Алферова**— кандидат юридических наук, заведующая отделом правоведения Института научной информации по общественным наукам РАН
- **Е.Г. Багреева**— доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»
- **А.В. Барков**— доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Саратовской государственной юридической академии, Заслуженный юрист России.
- **Н.И. Беседкина**— кандидат юридических наук, доцент, доцент Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
- **Е.В. Богданов**— доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического Университета им. Г.В. Плеханова.
- **О.Н. Булаков**— доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права Российского государственного гуманитарного Университета
- **Е.В. Воевода**— доктор педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой педагогики и психологии, профессор кафедры английского языка № 2 Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России
- **А.В. Гаврилин**— доктор педагогических наук, профессор, действительный член АПСН, заведующий кафедрой теории и методики воспитания Владимирского института развития образования им. Л.И. Новиковой
- **М.А. Гончаров**— доктор педагогических наук, доцент, директор Института «Высшая школа образования», профессор кафедры педагогики Института «Высшая школа образования» Московского педагогического государственного университета
- **С.А. Гримальская**— кандидат юридических наук, доцент Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»
- **И.В. Дойников**— доктор юридических наук, профессор, профессор Московского городского университета управления Правительства Москвы

- **А.А. Дорская** — доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой международного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена
- **В.Б. Израелян**— кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юриспруденции Московского городского университета управления Правительства Москвы, ведущий научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации
- **А.С. Кагосян**— доктор педагогических наук, профессор, директор Академического колледжа Международного инновационного университета (г. Сочи), Почетный работник среднего профессионального образования РФ
- **Р.А. Каламкарян**— доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора международно-правовых исследований Института государства и права Российской академии наук, профессор кафедры международного права Российского университета дружбы народов
- **Н.В. Кроткова**— кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции Института государства и права Российской академии наук, заместитель главного редактора журнала «Государство и право»
- **З.И. Курцева**— доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры риторики и культуры речи Института философии Московского педагогического государственного университета
- **А.Н. Левушкин**— доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, профессор кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия.
- **В.С. Меськов**— доктор философских наук, профессор, профессор кафедры педагогики Института «Высшая школа образования» Московского педагогического государственного университета
- **А.Х. Миндагулов**— доктор юридических наук, профессор (Республика Казахстан)
- **В.О. Миронов**— доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Государственное право и управление таможенной деятельностью» Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых
- **Ю.В. Николаева**— доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве РФ
- **А.В. Рогова**— доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики психолого-педагогического факультета Забайкальского государственного университета, член Научного Совета по проблемам истории образования и педагогической науки при Институте теории и истории педагогики РАО, Заслуженный учитель Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации
- **Б.В. Сангаджиев**— доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»
- **Н.В. Семенова**— доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики Педагогического института Тихоокеанского государственного университета, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации
- **А.Б. Синельников**— доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

- **Д.П. Стригунова**— доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры международного и интеграционного права Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
- **В.Н. Ткачев**— доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист России, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического Университета им. Г.В. Плеханова
- **Н.Е. Толстая**— доктор философских наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, ректор Сергиево-Посадского гуманитарного института
- **А.Г. Тюриков**— доктор социологических наук, профессор, профессор Департамента социологии ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»
- **М.С. Халиков**— доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры управления персоналом Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы
- **Х.С. Шагбанова**— доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел ФГКУ ДПО «Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России», член—корреспондент РАЕН
- **Г.Г. Шинкарецкая**— доктор юридических наук, главный научный сотрудник сектора международного права Института государства и права РАН, член Совета по международному праву при Министерстве иностранных дел Российской Федерации

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief: **B.V. Sangadzhiev**, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law, All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)

First Deputy Chief Editor: **M.S. Shaikhullin**, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Center for State Legal Research of the Eurasian Research Institute of Law Problems

Deputy Editor-in-Chief: **V.B. Ryzhov**, Ph.D., Associate Professor, Associate Professor, Department of State and Municipal Administration, Institute of Social and Humanitarian Education, Moscow Pedagogical State University

- **E.V. Alferova** — Candidate of Legal Sciences, Head of the Department of Law of the Institute of Scientific Information in the Social Sciences of the Russian Academy of Sciences
- **E.G. Bagreeva** — Doctor of Law, Professor, Professor, Department of Legal Regulation of Economic Activities of FSOBU VO «Financial University under the Government of the Russian Federation»
- **A.V. Barkov** — Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law of the Saratov State Law Academy, Honored Lawyer of Russia.
- **N.I. Besedkina** — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activities of the Financial University under the Government of the Russian Federation
- **E.V. Bogdanov** — Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov
- **O.N. Bulakov** — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law of the Russian State University for the Human
- **E.V. Voevoda** — Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Pedagogy and Psychology, Professor of the Department of English No. 2 of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Russian Ministry of Foreign Affairs
- **A.V. Gavrilin** — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Full Member of the APSN, Head of the Department of Theory and Methods of Education of the Vladimir Institute for the Development of Education named after L.I. Novikova
- **M.A. Goncharov** — Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Director of the Institute «Higher School of Education,» Professor of the Department of Pedagogy of the Institute «Higher School of Education» of Moscow Pedagogical State University
- **S.A. Grimalskaya** — candidate of legal sciences, associate professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activities of FSOBU VO «Financial University under the Government of the Russian Federation»
- **I.V. Doinikov** — Doctor of Law, Professor, Professor, Moscow City University of Management of the Moscow Government
- **A.A. Dorskaya** — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of International Law of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen
- **V.B. Israelyan** — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Jurisprudence, Moscow City University of Management of the Moscow Government, Leading

Research Fellow at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

- **A.S. Kagosyan** — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Director of the Academic College of the International Innovation University (Sochi), Honorary Worker of Secondary Professional Education of the Russian Federation

- **R.A. Kalamkaryan** — Doctor of Law, Professor, Leading Researcher in the International Legal Research Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Department of International Law of the Russian University of Peoples' Friendship

- **N.V. Krotkova** — candidate of legal sciences, leading researcher in the sector of constitutional law and constitutional justice of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, deputy editor-in-chief of the journal «State and Law»

- **Z.I. Kurtseva** — a doctor of pedagogical sciences, the associate professor, professor of department of rhetoric and the standard of speech of Institute of philosophy of the Moscow pedagogical state university

- **A.N. Levushkin** — Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Entrepreneurial and Corporate Law of the Moscow State Law University named after O.E. Kutafin, Professor of the Department of Civil Law of the Russian State University of Justice

- **V.S. Meskov** — Doctor of Philosophy, Professor, Professor, Department of Pedagogy, Institute «Higher School of Education» of Moscow Pedagogical State University

- **A.Kh. Mindagulov** — Doctor of Law, Professor (Republic of Kazakhstan)

- **V.O. Mironov** — Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of State Law and Customs Management of Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs

- **Yu.V. Nikolaeva** — Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activities of the Financial University under the Government of the Russian Federation

- **A.V. Rogova** — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of the Department of Pedagogy of the Psychological and Pedagogical Faculty of Transbaikal State University, member of the Scientific Council on the Problems of the History of Education and Pedagogical Science at the Institute of Theory and History of Pedagogy RAO, Honored Teacher of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education

- **B.V. Sangadzhiev**, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law, All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)

- **N.V. Semenova** — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor, Department of Pedagogy, Pedagogical Institute of Pacific State University, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

- **A.B. Sinelnikov** — doctor of sociological sciences, professor, professor, Department of sociology of the family and demography, sociological faculty, Lomonosov Moscow State University

- **D.P. Strigunova** — Doctor of Law, Associate Professor, Associate Professor of International and Integration Law of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

- **V.N. Tkachev** — Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Russia, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov

- **N.E. Tolstaya** — Doctor of Philosophy, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Rector of the Sergiev Posad Humanitarian Institute

- **A.G. Tyurikov** — doctor of sociological sciences, professor, professor, Department of sociology, FSOBU VO «Financial University under the Government of the Russian Federation»

- **M.S. Khalikov** — doctor of sociological sciences, professor, professor, Department of personnel management, Institute of public service and management, Russian Academy of national economy and

public service

- **H.S. Shagbanova** — doctor of philology, associate professor, professor of the Department of philosophy, foreign languages and humanitarian training of employees of the Internal Affairs Bodies of the Tyumen Institute of advanced training of employees of the Ministry of internal affairs of Russia, corresponding member of the Russian Academy of natural sciences

- **G.G. Shinkaretskaya** — Doctor of Law, Chief Researcher, International Law Sector, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Member of the Council on International Law at the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

1. Автор научной статьи (студент, аспирант, адъюнкт) представляет оформленную рецензию (отзыв) научного руководителя/консультанта, содержащую рекомендацию статьи к публикации в журнале, либо предоставляет выписку из решения кафедры (научного подразделения), где выполнялась работа, содержащую рекомендацию статьи к публикации в журнале.

2. Рецензия должна содержать квалифицированный анализ материала статьи, объективную и аргументированную оценку ее материала и обоснованные рекомендации по возможному улучшению качества представленной работы. Рецензент оценивает основные достоинства и недостатки рукописи статьи, руководствуясь при этом следующими критериями: соответствие содержания статьи профилю журнала, актуальность избранной темы, научный и методологический уровень, использование необходимых методик исследования, новизна и оригинальность основных положений и выводов, практическая полезность.

3. Представленная автором научная статья рецензируется экспертом редакционной коллегии журнала (доктором, кандидатом наук) в форме экспертной анкеты, утвержденной редакционной коллегией. Экспертиза носит закрытый характер, рецензия в форме экспертной анкеты предоставляется автору статьи по его письменному запросу, а также по соответствующему запросу в ВАК, без подписи и указания фамилии, должности, места работы рецензента.

4. Срок подготовки рецензии экспертом редакционной коллегии журнала устанавливается по согласованию с рецензентом, но не может превышать 5 рабочих дней с момента поступления рукописи к рецензенту. Рецензент вправе отказаться от рецензирования в течение одной недели с момента поступления рукописи к нему и уведомить об этом редакционную коллегию журнала.

5. Окончательное решение о принятии статьи автора и размещении ее в одном из номеров журнала принимается на заседании редакционной коллегии журнала либо главным редактором журнала.

6. По результатам рецензирования могут быть приняты следующие решения:

а) рекомендовать принять рукопись к публикации;
б) рекомендовать принять рукопись к публикации с внесением технической правки;
в) рекомендовать принять рукопись к публикации после устранения автором (авторами) замечаний рецензента, с последующим направлением на повторное рецензирование тому же рецензенту (при рекомендации сокращения или переработки рукописи статьи в рецензии конкретно указывается, за счет чего должна быть сокращена рукопись, что в ней должно быть исправлено, чтобы помочь автору (авторам) в дальнейшей работе над рукописью). В случае если автор (авторы) не устранил замечания рецензента, редакционная коллегия Журнала вправе отказать в публикации рукописи с направлением автору (авторам) мотивированного отказа);
г) рекомендовать отказать в публикации рукописи по причине ее несоответствия требованиям, предъявляемым к научному уровню (в данном случае редакционная коллегия Журнала имеет право направить рукопись на рецензирование другому рецензенту либо направить автору (авторам) мотивированный отказ в публикации рукописи, с приложением копии отрицательной рецензии).

7. Редакционная коллегия информирует о принятом решении автора по его запросу. Автору не принятой к публикации статьи редакционная коллегия может направить по его запросу мотивированный отказ.

8. Редакционная коллегия осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих ее тематике, с целью их экспертной оценки.

9. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции издания в течение 2 лет.

10. Опубликование представленного материала осуществляется в соответствии с планом работы редакции, с учетом необходимости формирования различных рубрик в каждом номере журнала и обеспечения финансирования выпуска журнала.

PROCEDURE FOR PEER REVIEW OF SCIENTIFIC ARTICLES

1. The author of the scientific article (student, graduate student, adjunct) submits a completed review (review) of the supervisor/consultant containing the recommendation of the article for publication in the journal, or provides an extract from the decision of the department (scientific unit) where the work was performed containing the recommendation of the article for publication in the journal.
2. The review should contain a qualified analysis of the article material, an objective and reasoned assessment of its material and reasonable recommendations for possible improvement in the quality of the submitted work. The reviewer evaluates the main advantages and disadvantages of the manuscript of the article, guided by the following criteria: compliance of the content of the article with the profile of the journal, relevance of the selected topic, scientific and methodological level, use of the necessary research methods, novelty and originality of the main points and conclusions, practical usefulness.
3. The scientific article submitted by the author is reviewed by an expert of the editorial board of the journal (doctor, candidate of science) in the form of an expert questionnaire approved by the editorial board. The examination is of a closed nature, the review in the form of an expert questionnaire is provided to the author of the article at his written request, as well as at the appropriate request to the Higher Attestation Commission, without a signature and indicating the name, position, place of work of the reviewer.
4. The deadline for preparing a review by an expert of the editorial board of the journal is established in agreement with the reviewer, but cannot exceed 5 working days from the date of receipt of the manuscript by the reviewer. The reviewer has the right to refuse to review within one week from the date of receipt of the manuscript to him and notify the editorial board of the journal.
5. The final decision to accept the author's article and place it in one of the issues of the journal is made at a meeting of the editorial board of the journal or by the editor-in-chief of the journal.
6. Based on the results of the review, the following decisions can be made:
 - a) recommend that the manuscript be accepted for publication;
 - b) recommend that the manuscript be accepted for publication with technical amendments;
 - c) recommend that the manuscript be accepted for publication after the author (s) have eliminated the reviewer's comments, followed by sending for re-review to the same reviewer (when recommending the reduction or revision of the manuscript, the article in the review specifically indicates how the manuscript should be reduced, what should be corrected in it to help the author (s) in further work on the manuscript). If the author (s) did not eliminate the reviewer's comments, the editorial board of the Journal has the right to refuse to publish the manuscript with a reasoned refusal to the author (s));
 - d) recommend refusing to publish the manuscript due to its non-compliance with the requirements for the scientific level (in this case, the editorial board of the Journal has the right to send the manuscript for review to another reviewer or send the author (s) a reasoned refusal to publish the manuscript, with a copy of the negative review attached).
7. The editorial board informs about the decision of the author at his request. The editorial board may send a reasoned refusal to the author of an article that has not been accepted for publication.
8. The editorial board reviews all materials received by the editorial board that correspond to its topics for the purpose of their expert assessment.
9. All reviewers are recognized specialists in the subject of peer-reviewed materials and have published on the subject of a peer-reviewed article over the past 3 years. Reviews are kept in the publishing house and in the editorial office of the publication for 2 years.
10. The publication of the submitted material is carried out in accordance with the editorial work plan, taking into account the need to form different headings in each issue of the journal and ensure funding for the issue of the journal.

РУБРИКИ ЖУРНАЛА

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА РОССИИ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО

КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО

МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

ПОЛИТИКА И ПРАВО

ПРАВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

ПРАВООБРАЗОВАНИЕ И ПРАВОТВОРЧЕСТВО

ПРАВОСУДИЕ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ПРАВА

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО

ТЕОРИЯ КОНСТИТУЦИИ

ТЕОРИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Трибуна молодого ученого

ТРУДОВОЕ ПРАВО

ТОЛКОВАНИЕ ПРАВА

ЮРИДИЧЕСКИЙ АРХИВ

JOURNAL CATEGORIES

HISTORY OF THE STATE AND RIGHTS OF FOREIGN COUNTRIES

HISTORY OF THE STATE AND LAW OF RUSSIA

INTERNATIONAL RELATIONS

INTERNATIONAL PUBLIC LAW

CONSTITUTIONAL (STATE) LAW

METHODOLOGY AND HISTORY OF LEGAL SCIENCE

MODERNIZATION OF EDUCATION

CIVIL LAW

POLICY AND LAW

INTELLECTUAL PROPERTY LAW

HUMAN RIGHTS

LAW FORMATION AND LAW CREATION

JUSTICE AND JURISPRUDENCE

PROBLEMS OF RUSSIAN LEGISLATION

PROBLEMS OF LEGAL THEORY

PUBLIC LAW

CONSTITUTION THEORY

CONTROL THEORY

YOUNG SCIENTIST TRIBUNE

EMPLOYMENT LAW

INTERPRETATION OF LAW

LEGAL ARCHIVE

СОДЕРЖАНИЕ:

КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО

Гончаров И.А. * Институт собственности в Конституции России 19

Авдеев М.Ю. * Право на информацию и неприкосновенности частной жизни в современном информационном обществе: российские реалии и зарубежный опыт 30

Седой И.С. * Понятие и система правоохранительных органов: конституционно-правовой аспект. 43

ПРАВОСУДИЕ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

Кононов Д.А. * Электронное правосудие в гражданском и арбитражном процессе в условиях цифровизации 49

Газимагомедов М.А. * Судебное правотворчество в США: теоретические аспекты развития американского прецедентного права 54

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Каллагов Т.Э. * Кадровый резерв на муниципальной службе в Российской Федерации 62

ПРАВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Грудцына Л.Ю. * Правовое регулирование прав интеллектуальной собственности на объекты в области спорта 70

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Лутовинова Н.В. * К вопросу о гражданско-правовом регулировании договора доверительного управления исключительными правами 74

CONTENT:

CONSTITUTIONAL (STATE) LAW

Goncharov I.A. * The institute of property in the Constitution of Russia

Avdeev M.Yu. * The right for information and personal privacy in modern information society: russian realities and foreign experience

Sedoy I.S. * Concept and system of law enforcement agencies: constitutional and legal aspect

JUSTICE AND JURISPRUDENCE

Kononov D.A. * Electronic justice in civil and arbitration proceedings in the context of digitalization

Gazimagomedov M.A. * Jurisprudence in the United States: theoretical aspects of the development of American case law

PROBLEMS OF RUSSIAN LEGISLATION

Kallagov T.E. * The personnel reserve on municipal service in Russia

INTELLECTUAL PROPERTY RIGHT

Grudtsina L.Yu. * Legal regulation of intellectual property rights to objects in the field of sports

CIVIL LAW

Lutovinova N.V. * On the issue of civil regulation of the contract of trust management of exclusive rights

КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.07.2025 г.

ГОНЧАРОВ Игорь Александрович,

*кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия (г. Краснодар),
e-mail: goncharov.1476@mail.ru*

ИНСТИТУТ СОБСТВЕННОСТИ В КОНСТИТУЦИИ РОССИИ

Аннотация. Признание многообразия форм собственности по видам, а точнее – по ее трем основным субъектам (частный собственник, государство как собственник и муниципальное образование как собственник) не исключает того, что в основе развивающегося российского общества лежат начала частной собственности, получающие современное цивилизационное выражение в институтах гражданского права, а частный собственник в России в настоящее время является ведущим субъектом правоотношений собственности. Право собственности – центральный и важнейший институт в системе вещных прав, нормы которого отражают и одновременно закрепляют существующий в государстве социально-экономический строй и господствующие в нем общественные отношения.

Ключевые слова: институт собственности, частная собственность, государство, теория собственности, рыночная экономика, закон.

GONCHAROV Igor Aleksandrovich,

Candidate of Law, Senior Lecturer of the Department of State Legal Disciplines of the North Caucasus Branch of the Russian State University of Justice (Krasnodar)

THE INSTITUTE OF PROPERTY IN THE CONSTITUTION OF RUSSIA

Annotation. Recognition of the diversity of forms of ownership by type, or more precisely by its three main entities (private owner, state as owner and municipal entity as owner) does not exclude that the basis of the developing Russian society is the beginnings of private property, which receive modern civilizational expression in civil law institutions, and private owner in Russia is currently the leading subject of legal relations of ownership. The right to property is the central and most important institution in the system of property rights, the norms of which reflect and at the same time consolidate the social and economic system in the State and the social relations prevailing in it.

Key words: property institution, private property, state, property theory, market economy, law.

В современной юридической литературе в настоящее время утвердилось мнение, что иск об истребовании имущества из чужого незаконного владения – это иск невладеющего собственника к владеющему несобственнику о возврате вещи в натуре. Виндикационный иск, хотя и не является древнейшим способом защиты прав и интересов собственника, имеет все же многовековую историю. При непосредственном нарушении права собственности или ограниченного вещного права (например, при похищении или ином незаконном изъятии имущества) используются вещно-правовые способы защиты. Поскольку вещные правоотношения имеют абсолютный характер, то их содержанием выступает не только возможность правообладателя требовать

пассивного поведения от неопределенного круга лиц, но и установление, реализация и обеспечение защиты собственных правомочий в целях осуществления этого права [1, 2].

Право собственности в объективном смысле представляет собой совокупность правовых норм, регулирующих отношения собственника по владению, пользованию и распоряжению, принадлежащей ему вещью, по устранению вмешательства всех третьих лиц в сферу его хозяйственного господства [3, 4].

Право собственности - центральный и важнейший институт в системе вещных прав, нормы которого отражают и одновременно закрепляют существующий в государстве социально-экономический строй и господствующие в нем общественные отношения [5, 6]. Собственность является одним из важнейших факторов, повлиявших на создание государства (государственности), развития в нем экономических и социальных отношений. В современном демократическом государстве собственность играет большую роль в формировании социально ориентированной рыночной экономики [7, 8].

Преобразования в отношении института собственности начались в России сравнительно недавно – Закон РСФСР от 24 декабря 1990 г. № 443-1 «О собственности в РСФСР» (с изм. от 24 июня 1992 г.). Законодатель ввел понятие частной собственности, которое затем приобрело четкое законодательное оформление (вместе с теоретико-правовым осмыслением правовой природы института и видов (форм) собственности) в Конституции РФ 1993 г. и Гражданском кодексе РФ от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ, став существенным шагом в формировании новых экономических отношений в России [9]. Признание многообразия форм собственности по видам, а точнее – по ее трем основным субъектам (частный собственник, государство как собственник и муниципальное образование как собственник) не исключает того, что в основе развивающегося российского общества лежат начала частной собственности, получающие современное цивилизационное выражение в институтах гражданского права, а частный собственник в России в настоящее время

является ведущим субъектом правоотношений собственности [10].

Субъектами отношений собственности в равной мере выступают как те, кто присваивает, так и те, от кого отчуждается данное благо или деятельность. Лишь противоречивое единство присвоения и отчуждения образует отношение собственности, раскрывает его экономическое содержание [11].

Гражданский закон традиционно закрепляет два классических вещно-правовых иска, служащих защите права собственности и иных вещных прав: виндикационный (об истребовании имущества из чужого незаконного владения) и негаторный (об устранении препятствий в пользовании имуществом, не связанных с лишением владения вещью) [12, 13].

Содержание права собственности в современном гражданском праве и законодательстве России складывается из нескольких элементов (составляющих): а) собственник обладает наиболее полным господством над вещью; б) собственник вправе по своему усмотрению совершать в отношении принадлежащей ему вещи любые действия; в) собственник вправе устранять любое незаконное воздействие на эту вещь со стороны третьих лиц, если это не противоречит закону, не нарушает права и охраняемые законом интересы других лиц [14, 15].

Собственность представляет собой открытую, динамическую систему общественных отношений, в процессе которых деятельность людей приобретает специфические формы обособления, что позволяет функционально дифференцировать ее в соответствии с имеющимися потребностями и производственными возможностями, а затем интегрировать в частичные или общие целенаправленные взаимодействия. В процессе этих отношений формируется, воспроизводится и развивается структура субъектов и объектов, несущих определенные функции в условиях относительного обособления и специфически упорядоченных взаимодействий в рамках экономической системы страны [16].

Принципиально новое отношение к

земельной собственности возникло в России в связи с совершением социалистической революции [17, 18]. Конституция РСФСР 1918 г. объявила землю, леса, недра и воды объектом исключительной государственной собственности и общенародным (национальным) достоянием (ст. 3). Изложенная норма была позднее воспроизведена в Конституциях СССР 1936 г. и 1977 г. Земельный кодекс РСФСР 1922 г. установил базовую правовую модель землепользования, просуществовавшую до 1980-х гг. Согласно этой модели в России отменялось право частной собственности на землю; все земли в пределах ее территории признавались исключительной собственностью государства и составляли единый государственный земельный фонд; земля изымалась из гражданского (имущественного) оборота и передавалась физическим и юридическим лицам на праве пользования [19]. Право пользования землей приобрело производный и зависимый от права государственной социалистической собственности характер. Право землепользования стало бессрочным, строго нормированным, трудовым, целевым и безвозмездным [20]. Можно констатировать, что право частной собственности является механизмом регулирования современных имущественных отношений между наиболее социально активными личностями. Этот механизм создает стимулирующие факторы, влияющие на степень участия личности в социальной сфере [3]. Исходя из указанных концептуальных положений, полагаем целесообразным внести изменение в регулирование отношений собственности, складывающихся в современном крестьянском хозяйстве. Безусловно, сохранив там отношения общей собственности, необходимо отдать предпочтение не совместной, а долевой собственности [21]. Право общей долевой собственности создаст надежный и реальный механизм стимулирования гражданско-правовой активности каждого члена крестьянского (фермерского) хозяйства. Утверждается, что совместная, а не долевая собственность более соответствует семейному характеру крестьянского хозяйства [22, 4].

Собственнику в соответствии с ч. 1 ст. 209 ГК РФ принадлежат права владения, пользования и распоряжения своим имуществом. Это означает, что собственник вправе извлекать из своей собственности доход, вправе распоряжаться ею (продавать, сдавать в аренду, закладывать), участвуя таким образом в экономических отношениях, пополняя свое благосостояние и приближая себя (и своих близких) к «достойной жизни» [23, 24]. Значит, собственность является тем объектом, грамотное использование которого дает человеку возможность без вмешательства государства самостоятельно решать свои жизненные проблемы, не опускаться, но наоборот, подниматься по социальной лестнице, пополнять свое благосостояние [10].

Второй аргумент состоит в том, что собственность, по меткому замечанию Б.Н. Чичерина, вытекает из природы человека, как разумно-свободного существа: «Особенность каждого человеческого духа в выборе и исполнении своих целей требует и собственности как свободного распоряжения вещными благами для своеобразного осуществления совокупной личности» [25]. Исторически именно собственность (появившаяся в результате разделения труда и появления прибавочного продукта) стала одним из факторов образования государства (государственности) [26, 5].

Известно, что собственность является неотъемлемой характеристикой экономики и объектом экономических отношений, а принимаемые государством законы неизбежно оказывают влияние (положительное или отрицательное) на происходящие в стране экономические процессы. Так, например, до IX в. на территории России земельные участки находились в собственности родовых или соседских общин. Письменные источники свидетельствуют, что с этого времени начинает складываться феодальная земельная собственность - экономическая основа господства класса феодалов [27]. Первичной формой экономической реализации феодальной земельной собственности явилось «полюдье», представлявшее собой институт прямого внеэкономического принуждения

населения, где в обнаженной форме выступали отношения господства и подчинения, равно как и начальная фаза превращения земли в феодальную собственность.

В большинстве случаев на раннем этапе развития Русского государства предшественниками частной собственности на землю были княжеские земли, земли, пожалованные в личное, затем в наследуемое владение за воинскую службу, за участие в княжеских дружинах. Крестьянам земли предоставлялись в общинное пользование. Помимо этого, изначально имел место захват пустующих земель [28].

Новая система форм собственности была закреплена в Конституции 1936 г. Ведущей формой собственности объявлялась социалистическая, которая делилась на государственную и колхозно-кооперативную. Государственная собственность являлась высшей формой собственности и принадлежала всему обществу. Субъектами колхозно-кооперативной собственности были отдельные колхозы, предприятия и т.п. Конституция разделяла личную и частную собственность. Личная собственность была призвана обеспечивать личные потребности граждан, но не могла использоваться для извлечения доходов. Частная собственность (единоличников и кустарей) могла быть только мелкой, исключать применение наемного труда, но предполагала в отличие от личной возможность извлечения дохода.

Большое значение для дальнейшего регулирования имущественных отношений на территории России имел Закон СССР от 6 марта 1990 г. № 1305-1 «О собственности в СССР». Крестьянское хозяйство получило право продавать и передавать предприятиям, организациям и гражданам, обменивать, сдавать в аренду, предоставлять во временное пользование, принадлежащее ему на правах собственности имущество, приобретать, брать в аренду или во временное пользование имущество у предприятий, объединений, организаций и граждан [29, 30].

Экономическим основам конституционного строя России посвящены ст. 8 и 9. Так, ст. 8 определяет общие основы экономической деятельности, имеющие

значение для земельного законодательства и современного развития земельных отношений. «В Российской Федерации гарантируются единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности» (ч. 1 ст. 8).

Единство экономического пространства, т.е. свободное перемещение товаров, в том числе производимых с использованием земельных ресурсов, поддержка конкуренции в торговле такими товарами, свобода экономической деятельности, нередко связанной с землеиспользованием, играют здесь заметную роль [31, 32]. Нарушение единства экономического пространства страны, создание зональных, региональных либо местных более или менее изолированных рынков земли, иных объектов недвижимости, производимых на земле товаров, ограничение круга возможных покупателей, арендаторов и т.п. затрагивает интересы земельных собственников [33].

Признаками права собственности являются: признаки, характерные для всех вещных прав, право имущественное, право вещное,

- право носит абсолютный характер, право устанавливается законом,
- право следует за вещью, а не за лицом, у которого вещь находится, право защищается вещно-правовыми способами защиты, признаки, характерные для самого права собственности, право, не имеющее срока действия,
- право исключительное, право непосредственное, право «эластичное» [34, 35, 36].

Во-вторых, термин «вещное право», обозначающий соответствующее субъективное гражданское право, в российском дореволюционном законодательстве не был известен [37, 38]. Он употреблялся в практике правительствующего Сената. Что касается учебной и монографической литературы, то именно этот термин был наиболее употребляемым цивилистами. Наряду с

ним в качестве синонима употреблялось понятие вотчинного права. Последнее распространялось как на права, имеющие своим объектом недвижимые имущества, так и на права, объектом которых были движимые вещи [39].

Законные интересы собственника имущества должны быть принесены в жертву «стабильности и безопасности торгового оборота».

При этом теоретики-цивилисты демонстрируют готовность усилить «прогрессивные достижения в области оборота» даже ценой отказа от защиты законных интересов собственника, т.е. от принципа неприкосновенности собственности. Представляется, что экономические факторы не могут и не должны деформировать основополагающие принципы права и не может быть приемлемым товарный оборот, базирующийся на создании имущественных благ, исходящих из неправомерных сделок [40, 41].

Второй аргумент при рассмотрении вопроса о приоритетной защите добросовестного приобретателя имущества от неуправомоченного лица, связан с использованием ряда положений классического римского права. Действительно, в римском частном праве рассматривался вопрос о приобретении имущества от несобственника и было создано несколько важных правил, касающихся статуса добросовестного приобретателя (покупателя) [42, 43].

Необходимо отметить, что европейские гражданские кодексы, начиная со старейшего французского и включая германский и современный итальянский, защищают права добросовестного приобретателя вещи от неуправомоченного лица (ст. 2279 ФГК; § 932 BGB). Повышенная защита прав такого приобретателя распространяется в европейских кодексах лишь на приобретателей движимых вещей [44]. Для

целей коммерческого оборота – такой защиты вполне достаточно. А вот собственники недвижимости в европейских странах вправе предъявлять виндикацию к любому лицу. Например, согласно § 985 BGB «собственник может потребовать от владельца возвращения (выдачи) вещи».

И как отмечают современные исследователи германского права: «здесь не разграничивается незаконное владение и владение добросовестного приобретателя...». Таким образом, если следовать опыту европейского законодательства, норма п.1 ст.302 ГК РФ должна быть ограничена категорией движимых вещей. Приходится признать, что составители отечественного ГК, при подготовке текста п.1 ст.302 ГК РФ не использовали опыт европейского права и распространили действие указанной нормы ГК РФ не только на движимые вещи, но и недвижимость, создав таким образом уникальную юридическую основу, позволяющую «оптимизировать» различные неправомерные схемы с недвижимыми вещами (землей, строениями, квартирами) [45 46].

Эффективному развитию общественных экономических и социальных отношений, как это подтверждается совокупным историческим опытом России и зарубежных стран, оказывает содействие лишь такой концептуальный подход к праву собственности, при котором это право по своей сути и содержанию является одинаковым для всех субъектов [47]. Какое-либо отклонение от этого, предоставление в законодательном порядке любых, даже незначительных преимуществ субъектам права государственной или коллективной собственности [48] неизменно приводило к снижению темпов экономического и социального развития, застою, стагнации, возрастанию социального напряжения и усилению противостояния в обществе [49].

Список литературы:

[1] Мельников В.С. Прогностическое моделирование онтологий искусственного интеллекта как основа для проектирования необходимых референтных изменений законодательства // *Право и государство: теория и практика*. 2018. № 8 (164). С. 92-95.

- [2] Мельников В.С., Мельникова Ю.В. Доменное имя и распоряжение им / *Современные достижения и разработки в области юриспруденции. Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции.* 2017. С. 17-20.
- [3] Печников А.П., Печникова А.П. *Теория государства и права. Учебно-методическое пособие.* М.: МГУУ Правительства Москвы, 2009.
- [4] Печникова А.П. *Правовое регулирование предпринимательской деятельности образовательных и лечебно-профилактических учреждений* М.: Щит - М, 2006.
- [5] Печникова А.П. Становление советской системы здравоохранения // *История государства и права.* М., 2009. - № 16. - С. 34 – 36.
- [6] Чернявский А.Г. *Правовое значение идеи суверенитета для государства и права.* Москва, 2020. 530 с.
- [7] Шестак В.А. О некоторых вопросах применения в современных условиях судами уголовно-правовых норм, содержащих неспециальные составы мошенничества, присвоения и растраты // *Библиотека уголовного права и криминологии.* 2018. № 3 (27). С. 178-183.
- [8] Шестак В.А. О современной практике применения судами законодательства, регулирующего использование электронных документов в ходе уголовного судопроизводства // *Библиотека криминалиста. Научный журнал.* 2018. № 3 (38). С. 213-217.
- [9] Чернявский А.Г., Пашенцев Д.А., Ладнушкина Н.М., Фёклин С.И. *История образования и педагогической мысли: в 3-х томах. Том 3: правовое регулирование государственного контроля качества образования.* Том 3. Москва, 2020. 378 с.
- [10] *Гражданское право: Учебник / С.С. Алексеев, Б.М. Гонгалов, Д.В. Мурзин и др. / Под общ. Ред. С.С. Алексеева.* – М.: ТК Велби; Екатеринбург: Институт частного права, 2007. – С. 145-146.
- [11] Гоц Е.В. Вопросы регулирования контрактной системы в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд в Российской Федерации // *Новый юридический журнал.* 2015. № 3. С. 81-86.
- [12] Мецгер А.А. Содержание отдельных личных прав и свобод человека и гражданина (на примере политических прав) // *Международный журнал конституционного и государственного права.* 2019. № 4. С. 49-51.
- [13] Мецгер А.А. Социальная сущность и значимость института гарантий прав граждан // *Образование и право.* 2019. № 11. С. 47-53.
- [14] Чернявский А.Г. *Роль и значение идеологии для государства и права. Монография /* Москва, 2020. Сер. Научная мысль (Изд. 2-е, испр. и доп.). 302 с.
- [15] Чернявский А.Г., Синяева Н.А., Самодуров Д.И. *Международное гуманитарное право. Учебник /* Москва, 2020. 450 с.
- [16] Мельников В.С., Мельникова Ю.В. Соотношение доменного имени и средств индивидуализации / *Юриспруденция: научные приоритеты учёных. Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции.* 2017. С. 11-15.
- [17] Миронов В.О. Государственно-правовые отношения России и Белоруссии в 1917-1922 гг. // *Государство и право.* 2004. № 12. С. 70-76.
- [18] Миронов В.О. Оценка результативности предупреждения преступлений, совершаемых в исправительных учреждениях // *Российский криминологический взгляд.* 2010. № 2. С. 377-380.
- [19] Миронов В.О. Прокурорские гарантии реализации прав и свобод человека в России // *Актуальные вопросы образования и науки.* 2012. № 3-4. С. 26-29.
- [20] Шестак В.А. ОБ отдельных проблемных вопросах квалификации специальных видов мошенничества // *Библиотека криминалиста. Научный журнал.* 2018. № 2 (37). С. 372-

[21] Мецгер А.А. Гарантии личной неприкосновенности граждан в правоприменительной деятельности органов внутренних дел (теоретико-правовой аспект) / Автореф. дисс... канд. юрид. наук / Моск. ун-т МВД РФ. Москва, 2005. 171 с.

[22] Мельников В.С. Понятие злоупотребления правом в гражданском праве // *Международный академический вестник*. 2018. № 1-1 (21). С. 76-79.

[23] Мецгер А.А. Обеспечение личной неприкосновенности подозреваемого на предварительном следствии / Конституционная защита граждан от преступных посягательств, реализуемая нормами уголовного и уголовно-процессуального законодательства материалы Всероссийской межведомственной научно-практической конференции. Москва, 2004. С. 190-194.

[24] Мецгер А.А. Понятие гарантий прав граждан в юридической науке // *Образование и право*. 2019. № 12. С. 23-29.

[25] Чичерин Б.Н. Собственность и государство. – СПб.: Издательство Русской Христианской гуманитарной академии, 2005. - С 126-127.

[26] Матвеева М.А. Мониторинг правотворчества: проблема теоретического обоснования // *Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата*. 2014. № 2 (33). С. 44-47.

[27] Титов Ю.П. Хрестоматия по истории государства и права России. М.: Мысль, 1997. С. 19.

[28] Чукаева Г.Х. Развитие института права частной собственности и особенности его реализации в российском праве (историко-правовой аспект) / Дис... канд. юрид. наук. - Челябинск, 2006. – С. 4.

[29] Матвеева М.А. Правотворчество как юридическая деятельность: проблемы теоретического осмысления // *Труды Института государства и права Российской академии наук*. 2016. № 5. С. 191-201.

[30] Матвеева М.А. Теоретические и методологические проблемы юридической процессуальной формы правотворчества // *Право и государство: теория и практика*. 2015. № 3 (123). С. 30-34.

[31] Матвеева М.А. Теория правотворчества в отечественной юриспруденции // *Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата*. 2014. № 1 (32). С. 37-41.

[32] Печникова А.П. Становление советской государственной системы охраны здоровья граждан. // *Научные школы Московского университета МВД России: Н.В. Михайлова: Традиции и инновации в постижении истории государства и права. Разд. 2: Научные труды учеников и последователей Н.В. Михайловой*. - М.: ЮНИТИ – ДАНА, 2009. 864 с.

[33] Матвеева М.А. Конституционный запрет монополизации экономической деятельности и недобросовестной конкуренции (на примере правового регулирования в сфере гражданской авиации) // *Вестник Московского государственного областного университета*. Серия: Юриспруденция. 2018. № 3. С. 135-145.

[34] Мамедов С.Н., Иванова Ж.Б., Молчанов Б.А. Цыганский вопрос в Европе: статус и права цыган // *Вестник Владимирского юридического института*. 2015. № 4 (37). С. 196-201.

[35] Матвеева М.А. К вопросу о концептуально-методологических основах теории правотворчества // *Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата*. 2017. № 4 (47). С. 134-137.

[36] Матвеева М.А. Концепция правотворческой политики: проблема теоретического обоснования // *Образование и право*. 2017. № 3. С. 24-32.

[37] Жарова А.К. Особенности осуществления розничной купли-продажи по сети

интернет // Государство и право. 2012. № 8. С. 109-113.

[38] Жарова А.К. Условия оказания услуги по предоставлению доступа к облачным вычислениям // Государство и право. 2012. № 12. С. 86-90

[39] Закупень Т.В. Управление государственной собственностью в условиях реформирования российской экономики // Журнал российского права. 2001. № 8. С. 9.

[40] Дмитриев Ю.А., Мамедов С.Н. Законодательные и институциональные аспекты в управлении персоналом. - Владимир, 2009. 304 с.

[41] Дмитриев Ю.А., Мамедов С.Н. Трудовое право в управлении персоналом. - Владимир, 2009. 434 с.

[42] Дмитриев Ю.А., Миронов В.О. Межгосударственные объединения: понятие, формы и классификация // Государство и право. 2013. № 3. С. 62-71.

[43] Дмитриев Ю.А., Миронов В.О. Субъекты Российской Федерации и конституционная юстиция // Вестник международного Института управления. 2012. № 5-6 (117-118). С. 20-23.

[44] Жарова А.К., Гутникова А.С., Мальцева С.В., Елин В.М. Законодательная поддержка принципа технологической нейтральности в информационных системах // Бизнес-информатика. 2012. № 4 (22). С. 25-32.

[45] Дмитриев Ю.А., Миронов В.О. Нетипичная форма государственного устройства: конфедерация России и Беларуси // Государство и право. 2012. № 7. С. 82-91.

[46] Елин В.М., Жарова А.К. К вопросу о методологии информационного права // Право и государство: теория и практика. 2013. № 4 (100). С. 133-143.

[47] Жарова А.К. Интернет, глобализация и международное право // Общественные науки и современность. 2004. № 6. С. 97-104.

[48] Мамедов С.Н. Курс лекций по дисциплине «Правоведение». – М.: Изд-во образования и науки РФ, Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования Владимирский гос. ун-т. Владимир, 2010. 64 с.

[49] Елин В.М., Жарова А.К. Правовые аспекты торговли в сети интернет // Право и государство: теория и практика. 2012. № 10 (94). С. 139-151.

[50] Гоц Е.В. Направления совершенствования системы и мер административного предупреждения коррупции в сфере государственных закупок // Аграрное и земельное право. 2015. № 1 (121). С. 142-145.

References:

[1] Melnikov V.S. Predictive modeling of artificial intelligence ontologies as a basis for designing the necessary reference changes to legislation // Law and state: theory and practice. 2018. No. 8 (164). P. 92-95.

[2] Melnikov V.S., Melnikova Yu. V. Domain name and its disposal / Modern achievements and developments in the field of jurisprudence. Collection of scientific papers based on the results of the international scientific and practical conference. 2017. P. 17-20.

[3] Pechnikov A.P., Pechnikova A.P. Theory of state and law. Study guide. Moscow: Moscow State University of Management, 2009.

[4] Pechnikova A.P. Legal regulation of entrepreneurial activity of educational and medical-preventive institutions M.: Shield - M, 2006.

[5] Pechnikova A.P. Formation of the Soviet health care system // History of the state and law. M., 2009. - No. 16. - P. 34 - 36.

[6] Chernyavsky A.G. Legal significance of the idea of sovereignty for the state and law. Moscow, 2020. 530 p.

[7] Shestak V.A. On some issues of application in modern conditions by courts of criminal law

norms containing non-special elements of fraud, misappropriation and embezzlement // Library of criminal law and criminology. 2018. No. 3 (27). P. 178-183.

[8] Shestak V.A. *On the modern practice of applying the legislation regulating the use of electronic documents in criminal proceedings by the courts // Criminologist's Library. Scientific journal. 2018. No. 3 (38). P. 213-217.*

[9] Chernyavsky A.G., Pashentsev D.A., Ladnushkina N.M., Feklin S.I. *History of education and pedagogical thought: in 3 volumes. Volume 3: legal regulation of state control over the quality of education. Volume 3. Moscow, 2020. 378 p.*

[10] Civil law: Textbook / S.S. Alekseev, B.M. Gongalo, D.V. Murzin et al. / Under the general editorship of S.S. Alekseev. - M.: TK Velbi; Ekaterinburg: Institute of Private Law, 2007. - P. 145-146.

[11] Gots E.V. *Issues of regulation of the contract system in the field of procurement of goods, works, services to meet state and municipal needs in the Russian Federation // New Law Journal. 2015. No. 3. Pp. 81-86.*

[12] Metzger A.A. *The content of individual personal rights and freedoms of man and citizen (on the example of political rights) // International Journal of Constitutional and Public Law. 2019. No. 4. Pp. 49-51.*

[13] Metzger A.A. *Social essence and significance of the institute of guarantees of citizens' rights // Education and Law. 2019. No. 11. Pp. 47-53.*

[14] Chernyavsky A.G. *The role and significance of ideology for the state and law. Monograph / Moscow, 2020. Series: Scientific Thought (2nd ed., corr. and add.). 302 p.*

[15] Chernyavsky A.G., Sinyaeva N.A., Samodurov D.I. *International Humanitarian Law. Textbook / Moscow, 2020. 450 p.*

[16] Melnikov V.S., Melnikova Yu.V. *The relationship between the domain name and means of individualization / Jurisprudence: scientific priorities of scientists. Collection of scientific papers based on the results of the international scientific and practical conference. 2017. Pp. 11-15.*

[17] Mironov V.O. *State and legal relations between Russia and Belarus in 1917-1922 // State and Law. 2004. No. 12. Pp. 70-76.*

[18] Mironov V.O. *Assessment of the effectiveness of the prevention of crimes committed in correctional institutions // Russian criminological view. 2010. No. 2. P. 377-380.*

[19] Mironov V.O. *Prosecutor's guarantees for the implementation of human rights and freedoms in Russia // Current issues in education and science. 2012. No. 3-4. P. 26-29.*

[20] Shestak V.A. *ON certain problematic issues of qualification of special types of fraud // Criminologist's library. Scientific journal. 2018. No. 2 (37). P. 372-377.*

[21] Metzger A.A. *Guarantees of personal inviolability of citizens in law enforcement activities of internal affairs bodies (theoretical and legal aspect) / Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation / Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Moscow, 2005. 171 p.*

[22] Melnikov V.S. *The concept of abuse of rights in civil law // International Academic Bulletin. 2018. No. 1-1 (21). P. 76-79.*

[23] Metzger A.A. *Ensuring the personal inviolability of a suspect during a preliminary investigation / Constitutional protection of citizens from criminal attacks, implemented by the norms of criminal and criminal procedural legislation materials of the All-Russian interdepartmental scientific and practical conference. Moscow, 2004. P. 190-194.*

[24] Metzger A.A. *The concept of guarantees of citizens' rights in legal science // Education and Law. 2019. No. 12. P. 23-29.*

[25] Chicherin B.N. *Property and the state. - St. Petersburg: Publishing House of the Russian Christian Humanitarian Academy, 2005. - P. 126-127.*

- [26] Matveeva M.A. *Monitoring lawmaking: the problem of theoretical substantiation* // *Scientific works of the Russian Academy of Advocacy and Notary*. 2014. No. 2 (33). P. 44-47.
- [27] Titov Yu.P. *Reader on the history of the state and law of Russia*. Moscow: Mysl, 1997. P. 19.
- [28] Chukaeva G.Kh. *Development of the institution of private property law and the specifics of its implementation in Russian law (historical and legal aspect)* / Diss... Cand. of Law. - Chelyabinsk, 2006. - P. 4.
- [29] Matveeva M.A. *Law-making as a legal activity: problems of theoretical understanding* // *Works of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*. 2016. No. 5. P. 191-201.
- [30] Matveeva M.A. *Theoretical and methodological problems of the legal procedural form of law-making* // *Law and state: theory and practice*. 2015. No. 3 (123). P. 30-34.
- [31] Matveeva M.A. *Theory of law-making in domestic jurisprudence* // *Scientific works of the Russian Academy of Advocacy and Notary*. 2014. No. 1 (32). P. 37-41.
- [32] Pechnikova A.P. *Formation of the Soviet state system of public health protection*. // *Scientific schools of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia: N.V. Mikhailova: Traditions and Innovations in Understanding the History of State and Law. Section 2: Scientific Works of Students and Followers of N.V. Mikhailova*. - M.: UNITY - DANA, 2009. 864 p.
- [33] Matveeva M.A. *Constitutional Prohibition of Monopolization of Economic Activity and Unfair Competition (on the Example of Legal Regulation in the Sphere of Civil Aviation)* // *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence*. 2018. No. 3. P. 135-145.
- [34] Mamedov S.N., Ivanova Zh.B., Molchanov B.A. *The Gypsy Question in Europe: Status and Rights of the Gypsies* // *Bulletin of the Vladimir Law Institute*. 2015. No. 4 (37). P. 196-201.
- [35] Matveeva M.A. *On the issue of conceptual and methodological foundations of the theory of lawmaking* // *Scientific works of the Russian Academy of Advocacy and Notary*. 2017. No. 4 (47). P. 134-137.
- [36] Matveeva M.A. *The concept of law-making policy: the problem of theoretical justification* // *Education and Law*. 2017. No. 3. P. 24-32.
- [37] Zharova A.K. *Features of retail sale and purchase via the Internet* // *State and Law*. 2012. No. 8. P. 109-113.
- [38] Zharova A.K. *Terms of service for providing access to cloud computing* // *State and Law*. 2012. No. 12. P. 86-90
- [39] Zakupen T.V. *Management of state property in the context of reforming the Russian economy* // *Journal of Russian Law*. 2001. No. 8. P. 9.
- [40] Dmitriev Yu.A., Mamedov S.N. *Legislative and institutional aspects in personnel management*. - Vladimir, 2009. 304 p.
- [41] Dmitriev Yu.A., Mamedov S.N. *Labor law in personnel management*. - Vladimir, 2009. 434 p.
- [42] Dmitriev Yu.A., Mironov V.O. *Interstate associations: concept, forms and classification* // *State and Law*. 2013. No. 3. P. 62-71.
- [43] Dmitriev Yu.A., Mironov V.O. *Subjects of the Russian Federation and constitutional justice* // *Bulletin of the International Institute of Management*. 2012. No. 5-6 (117-118). P. 20-23.
- [44] Zharova A.K., Gutnikova A.S., Maltseva S.V., Elin V.M. *Legislative support for the principle of technological neutrality in information systems* // *Business Informatics*. 2012. No. 4 (22). P. 25-32.
- [45] Dmitriev Yu.A., Mironov V.O. *Atypical form of government: confederation of Russia and Belarus* // *State and Law*. 2012. No. 7. P. 82-91.
- [46] Elin V.M., Zharova A.K. *On the methodology of information law* // *Law and state: theory*

and practice. 2013. No. 4 (100). P. 133-143.

[47] Zharova A.K. Internet, globalization and international law // Social sciences and modernity. 2004. No. 6. Pp. 97-104.

[48] Mamedov S.N. Lecture course on the discipline «Jurisprudence». - M.: Publishing house of education and science of the Russian Federation, State. educational institution of higher. prof. education Vladimir State University. Vladimir, 2010. 64 p.

[49] Elin V.M., Zharova A.K. Legal aspects of trade on the Internet // Law and state: theory and practice. 2012. No. 10 (94). Pp. 139-151.

[50] Gots E.V. Directions for improving the system and measures of administrative prevention of corruption in the field of public procurement // Agrarian and land law. 2015. No. 1 (121). P. 142-145.

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.07.2025 г.

АВДЕЕВ МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ,

кандидат юридических наук, доцент, председатель президиума
Московской городской коллегии адвокатов "Московская гильдия адвокатов и юристов",
e-mail: mail@law-books.ru

ПРАВО НА ИНФОРМАЦИЮ И НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ В СОВРЕМЕННОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ: РОССИЙСКИЕ РЕАЛИИ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Аннотация. В истории развития цивилизации произошло несколько информационных революций - преобразований общественных отношений из-за кардинальных изменений в сфере обработки информации. Первая революция связана с изобретением письменности, что привело к гигантскому качественному и количественному скачку. Появилась возможность передачи знаний от поколения к поколениям. Вторая (середина XVI в.) вызвана изобретением книгопечатания, которое радикально изменило индустриальное общество, культуру, организацию деятельности. Третья (конец XIX в.) обусловлена изобретением электричества, благодаря которому появились телеграф, телефон, радио, позволяющие оперативно передавать и накапливать информацию в любом объеме. Четвертая (70-е гг. XX в.) связана с изобретением микропроцессорной технологии и появлением персонального компьютера. Право на свободу информации в том виде, в котором оно в настоящее время существует в международных документах по правам человека, является проявлением традиционных свобод мысли и слова в международном информационном обмене.

Ключевые слова: неприкосновенность, частная жизнь, права человека, личная свобода, демократия, право, закон.

AVDEEV MIKHAIL YURIEVICH,

candidate of jurisprudence, associate professor, chairman of presidium of the Moscow city Bar
"Moscow Guild of Lawyers and Lawyers"

THE RIGHT FOR INFORMATION AND PERSONAL PRIVACY IN MODERN INFORMATION SOCIETY: RUSSIAN REALITIES AND FOREIGN EXPERIENCE

Annotation. In the history of development of a civilization there were some information revolutions - transformations of the public relations because of cardinal changes in the sphere of information processing. The first revolution is connected with the invention of writing that led to huge quantum and quantitative leap. There was a possibility of transfer of knowledge from generation to generations. The second (the middle of the XVI century) is caused by the invention of printing which considerably changed industrial society, culture, the organization of activity. The third (the end of the XIX century) is caused by the invention of electricity thanks to which appeared telegraph, phone, radio allowing to transfer and accumulate quickly information in any volume. The fourth (the 70th of the XX century) it is connected with the invention of microprocessor technology and emergence of the personal computer. The right for freedom of information in the form in which it exists in the international documents on human rights now, is manifestation of traditional freedoms of thought and the word in the international information exchange.

Key words: inviolability, private life, human rights, personal liberty, democracy, right, law.

Сама концепция «права на информацию, как считает Джон Мэрилл, информацию» получает новое развитие возможно, самое важное из всех гражданских уже после второй мировой войны. Право на прав [1], поскольку информация лежит в

основе любой системы власти [2].

Резолюция 59 (I) Генеральной Ассамблеи ООН 1946 года стала ожидаемым результатом повышения необходимости обозначить отношение к праву человека на получение, а также распространение информации. А в подготовке Всеобщей декларации прав человека 1948 г. был учтен предшествующий опыт работы над нормативным обобщением информационных правомочий, в результате чего было закреплено положение о праве на свободу убеждений и их выражения, которое включало информационные правомочия, реализуемые «независимо от государственных границ» [3].

Именно с таким акцентом эта норма Всеобщей декларации стала именоваться «правом на свободу информации». Таким образом, первоначально свобода информации была провозглашена, в том числе, и целью обеспечить возможность в международном идеологическом противостоянии представителям западного блока опираться на авторитетные международные документы в обосновании концепции так называемого «свободного потока информации». Очевидно, что речь здесь шла в значительной степени об обосновании возможности граждан на ознакомление с материалами иностранных газет, теле- и радиопередачами [4]. Иными словами, эта проблема, с точки зрения одного идеологического лагеря, касалась доступа к иностранным СМИ и предотвращения этого доступа - с точки зрения другого идеологического лагеря [5].

Необходимо согласиться с мнением С.Н. Шевердяева о том, что ничего принципиально нового по сравнению с традиционным обоснованием свободы слова и свободы печати в этой модернизированной концепции субъективных правомочий в области информации нет.

Таким образом, право на свободу информации в том виде, в котором оно в настоящее время существует в международных документах по правам человека, является не новым субъективным правом человека в области информации, а проявлением традиционных свобод мысли и слова в международном информационном

обмене [6].

Отметим, что указанный принцип с самого начала своего возникновения имел немало противников. Прежде всего, к ним относились страны советского блока и целая группа развивающихся стран, которые противопоставили теории права человека на свободу информации концепцию права народов и наций на информацию. Принятая на вооружение с целью предотвращения информационного монополизма западного мира, последняя рассматривала международный информационный обмен с точки зрения уважения государственного суверенитета, прав народов на поддержку своих национальных культур, ответственности государств за распространение информации через границы.

Право на информацию и обязанность предоставлять ее гражданам и организациям - одно из основных прав в демократическом обществе. Оно базируется на свободе слова и печати и является «ключом» к широкому осуществлению этой фундаментальной свободы, закрепленной во многих международных документах [7].

В частности, в соответствии со ст. 19 Всеобщей декларации прав человека, «каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ» [8].

Статья 10 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, декларирует, что каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ [9]. Вместе с тем, осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в

демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия [10].

О том же говорит и ст. 19 Международного пакта о гражданских и политических правах: каждый человек имеет право на свободное выражение своего мнения; это право включает свободу искать, получать и распространять всякого рода информацию и идеи, независимо от государственных границ, устно, письменно или посредством печати или художественных форм выражения или иными способами по своему выбору. При этом пользование указанными правами налагает особые обязанности и особую ответственность. Оно может быть, следовательно, сопряжено с некоторыми ограничениями, которые, однако, должны быть установлены законом и являться необходимыми: для уважения прав и репутации других лиц, а равно - для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения [11].

В истории развития цивилизации произошло несколько информационных революций - преобразований общественных отношений из-за кардинальных изменений в сфере обработки информации. Первая революция связана с изобретением письменности, что привело к гигантскому качественному и количественному скачку. Появилась возможность передачи знаний от поколения к поколениям. Вторая (середина XVI в.) вызвана изобретением книгопечатания, которое радикально изменило индустриальное общество, культуру, организацию деятельности. Третья (конец XIX в.) обусловлена изобретением электричества, благодаря которому появились телеграф, телефон, радио, позволяющие оперативно передавать и накапливать информацию в любом объеме. Четвертая (70-е гг. XX в.) связана с изобретением микропроцессорной

технологии и появлением персонального компьютера.

Для того чтобы уяснить социальное предназначение права на неприкосновенность частной жизни, следует отдать себе отчет в том, что жить в обществе и быть свободным от общества невозможно, и что стремлению человека к приватности противостоит социальный контроль - неотъемлемый элемент социальной жизни. В данном случае основной механизм социального контроля - это наблюдение. Родители и воспитатели наблюдают за детьми, полицейские ведут наблюдение на улицах и в общественных местах, государственные органы наблюдают за тем, как граждане выполняют различные обязанности и запреты. Без такого наблюдения общество не могло бы обеспечить выполнение санкционированных норм поведения или защиту своих граждан. Необходимость его очевидна. И чем сложнее становится социальная жизнь, тем пристальнее и изощреннее становится контроль [12].

Телефонное и электронное подслушивание, визуальное наблюдение, сбор, накопление и сопоставление с помощью компьютерных информационных систем огромного количества персональных данных - все эти современные средства социального контроля, образно говоря, создают огромную «замочную скважину», через которую за человеком наблюдают государство, политические и общественные организации.

Но, как замечает американский социолог Р. Мертон, «вынужденная необходимость детально выполнять все (и часто противоречащие друг другу) социальные нормы сделала бы жизнь буквально невыносимой; в сложном обществе шизофреническое поведение стало бы скорее правилом, чем исключением». Слишком пристальное, «тотальное» наблюдение приводит к негативным социальным последствиям. Между прочим, именно широкое наблюдение за поведением членов фаланстеров (коммун, организованных утопистами-социалистами в девятнадцатом веке) явилось, по свидетельству современников, одной из главных причин

неуспеха этого эксперимента.

Вопрос об установлении пределов контроля за отдельными лицами и группами лиц со стороны государственных, религиозных или экономических институтов всегда был одним из центральных в истории борьбы за индивидуальную свободу. В сущности, традиционные права, закрепленные в конституциях демократических государств, - свобода религии, т.е., свобода совести, неприкосновенность жилища, гарантии от несанкционированного обыска и от самообвинения - призваны оградить стремление властей к слишком пристальному социальному контролю над личностью.

Это право не относится к числу так называемых «традиционных» естественных прав, сформулированных в восемнадцатом веке. Например, в Конституции США, классической конституции конца восемнадцатого века, вы не найдете его под своим именем, хотя гарантии, установленные отдельными поправками к Конституции и Биллем о правах в целом, защищали хотя бы некоторые стороны частной жизни от постороннего несанкционированного вторжения. Только около двадцати лет назад Верховный суд США путем толкования норм Конституции признал право на неприкосновенность частной жизни фундаментальным конституционным правом.

Не всякое обращение в Европейский Суд по правам человека превращается в зарегистрированную жалобу; оно может быть отклонено, если не подпадает под компетенцию Европейского Суда (например, просьба пересмотреть приговор, вынесенный национальным судом) или явно не отвечает требованиям, предъявляемым к жалобе (например, анонимные обращения). Насколько можно судить по статистическим данным, публикуемым ЕСПЧ, более двух третей зарегистрированных и переданных в секцию жалоб признаются неприемлемыми. В отношении остальных жалоб вопрос об их дальнейшей судьбе решается после так называемой коммуникации, т.е. направления жалобы и материалов дела государству-ответчику, которому предлагается высказать свою позицию по жалобе. До этого момента

в процедуре прохождения дела участвовали Заявитель и ЕСПЧ, а теперь в нее вступает в качестве стороны третий участник — государство-ответчик. Процедура вступает в новую стадию.

Коммуникация (уведомление государства-ответчика). По предложению судьи-докладчика Палата (Секция) направляет запрос и другую информацию (коммуникацию) Правительству государства - ответчика. Главная цель коммуникации - информирование государства - ответчика о зарегистрированной жалобе. Практика ЕСПЧ требует, чтобы стороны были информированы по конкретным пунктам жалобы, по которым суд хочет знать их мнение для определения предмета спора и стремление установить характер возможного нарушения Конвенции. Коммуникация происходит на всех дальнейших этапах прохождения дела в ЕСПЧ. Жалобы в отношении России направляются Уполномоченному Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека.

Обмен состязательными бумагами. После регистрации жалоба поступает в одну из Секций ЕСПЧ и передается для предварительного изучения одному из судей этой секции. Речь идет именно о предварительном изучении дела судьей и, прежде всего, в плане проверки соблюдения всех необходимых предварительных условий (то есть условий приемлемости) [13].

При подготовке состязательных бумаг заявителю и его адвокату надо иметь в виду, что письменные объяснения или иные документы могут быть поданы только в сроки, установленные Председателем Палаты (в отдельных случаях — в сроки, предусмотренные Регламентом или судьей-докладчиком). Письменные объяснения или иные документы, поданные с нарушением этих сроков или с нарушением требований практической инструкции «Состязательные бумаги», не приобщаются к материалам дела, кроме случаев, когда Председатель Палаты не примет иное решение. Проверка соблюдения сроков производится секретариатом Суда: указанные сроки подтверждаются датой отправки документа или, если таковая

отсутствует, проверяются по фактической дате получения документа секретариатом Суда (ст. 38 Регламента). Кроме требований, предусмотренных в отношении сроков представления объяснений, теперь стороны должны соблюдать также и требования, предусмотренные практической инструкцией «Состязательные бумаги». Вероятно, надо отметить, что термин «состязательные бумаги» является очень широким по значению, включая в себя объяснения, возражения, замечания и комментарии, а также дополнения, пояснения и пр., представляемые как сторонами по делу, так и третьими сторонами.

Решение о приемлемости выносится Комитетом из 3 судей (3 варианта: приемлема, частично приемлема или неприемлема). Данную проверку проводят Комитеты из 3 судей в рамках одной из Секций суда. Таким образом, итогом рассмотрения дела Комитетом, может быть отказ в принятии заявления как неприемлемого. Данное решение является окончательным и не может быть подано на апелляцию (Правило 53 Регламента) [14].

Правовое положение адвоката и деятельность адвоката в Европейском суде по правам человека определяются: Конвенцией о защите прав человека и основных свобод [15], Регламентом (Правилами процедуры) Суда, Практическими инструкциями Суда, указаниями Палаты и её секретарей и референтов в процессе рассмотрения конкретных дел в ЕСПЧ, а также Федеральным законом от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

Первоначально подать индивидуальную жалобу заявитель вправе самостоятельно или через представителя (ст. 36 Регламента). Однако после уведомления государства — участника Конвенции, выступающего ответчиком, о поступлении индивидуальной жалобы Заявитель должен обеспечить наличие представителя (если иное решение не было принято Председателем Палаты).

Пункт 4 ст. 36 Регламента предусматривает, что представительство заявителя осуществляется адвокатом

или любым иным лицом, допущенным Председателем Палаты. В исключительных обстоятельствах и на любой стадии производства Председатель Палаты может, если сочтет, что обстоятельства или действия адвоката или другого лица, назначенного представителем, это оправдывают, решить, что данное лицо более не может представлять Заявителя или помогать ему, и Заявителю следует найти другого представителя.

Заявитель сам выбирает себе представителя, отвечающего вышеизложенным требованиям. На стадии подачи первичной жалобы представитель (если таковой имеется) не обязательно должен быть юристом.

Однако на более поздних стадиях разбирательства представитель должен по общему правилу являться адвокатом, уполномоченным практиковать в любом из государств — участников Конвенции и постоянно проживать на территории одного из них, а также в достаточной степени владеть одним из официальных языков Суда (французским или английским).

Суд не вправе назначать адвоката для представительства Заявителя, но в исключительных случаях секретариат Суда может оказать содействие в этом вопросе, обратившись к объединению адвокатов соответствующей страны с просьбой назвать Заявителю имена адвокатов, которые могут представлять его интересы в Европейском Суде по правам человека. Кроме того, в процессе подготовки дела и в процессе слушаний на стороне Заявителя могут участвовать советники [16].

Таким образом, по правилам пп. а п. 4 ст. 36 Регламента Суда интересы российского частного лица вправе представлять члены Адвокатской палаты субъекта РФ или иное лицо, допущенное к участию в судебном разбирательстве Палаты Суда (известны случаи, когда интересы Заявителя представляли его родственники) [17]. Полномочия адвоката или иного представителя подтверждаются доверенностью, которая подписывается Заявителем [18].

Поскольку решения и постановления Суда выносятся на его официальных языках

(французском и английском), адвокат, другой утвержденный представитель или сам Заявитель, желающий получить разрешение самостоятельно представлять свое дело, должны в достаточной степени владеть одним из официальных языков Суда. Однако Председатель Палаты может дать разрешение на использование языка, не являющегося официальным (п. 5 ст. 36 Регламента).

По большому счету, соблюдение в тексте жалобы требований к обстоятельству места при предъявлении претензий к тому или иному государству-участнику Европейской Конвенции, в отличие от двух предыдущих особенностей индивидуальной жалобы в Европейский суд по правам человека, имеет два аспекта, один из которых носит положительный, а другой - отрицательный характер. Так, возможность предъявлять претензии по поводу нарушения субъективного права, произошедшего только на территории государств-участников Европейской Конвенции, с одной стороны, по сравнению с национальной системой защиты прав и свобод в РФ, значительно расширяет область обжалуемых нарушений, с другой стороны, по сравнению, с общемировыми системами защиты, наоборот - сужает.

Отметим, что вопрос, связанный с нарушениями на территории государств, которые не являются сторонами, ратифицировавшими Европейскую Конвенцию, поднимался в некоторых делах, рассмотренных Европейским судом по правам человека. Например, в деле «Илия Илиеску, Александру Ляшко, Андрей Иванточ и Тудор Петров-Попа против Молдавии и РФ» уже поднимался вопрос о том, можно ли привлечь к ответственности Российскую Федерацию за те события, которые происходили на территории Приднестровья [19]. Таким образом, соблюдение такого критерия, как обстоятельство места является еще одной и достаточно существенной особенностью содержательного состава индивидуальной жалобы в Европейский суд и ее формы [20].

В отличие от предыдущей особенности, обстоятельства лица (или «*ratione personae*») устанавливают правила в отношении того, кто именно и против кого может жаловаться в

Европейский суд по правам человека.

В двадцатые годы XX в. Верховный суд США отказался признать нарушением частной жизни телефонное прослушивание, поскольку оно не может рассматриваться как физическое вторжение в жилище [21]. Через сорок лет суд пересмотрел свое решение - но для этого понадобилось, чтобы психологический климат в обществе в корне изменился [22].

Такая ситуация с правом на неприкосновенность частной жизни существовала примерно до середины XX столетия (говоря о его развитии в этот период, имеется в виду исключительно американскую юридическую практику). В европейских странах право на неприкосновенность частной жизни так и не успело выйти за рамки теоретического обоснования.

В западных странах неприкосновенность частной жизни рассматривается как защита личной жизни граждан от проникновения государственных органов в их частную жизнь [23]. К тому же в этих странах в электронной форме хранятся информационные массивы с огромным количеством подробностей и деталей частной жизни. Это привело к подписанию Конвенции о защите прав частных лиц по охране информации частного характера. Эта Конвенция является основополагающим документом для европейских стран в сфере сбора, хранения и обработки информации в электронной форме [24].

Представляется необходимым сказать хотя бы несколько слов о тех принципах, на которых строится правовая защита «информационной приватности» в современном мире, потому, что эти принципы закреплены на международном уровне Конвенцией 1981 года о защите индивидов в связи с автоматической обработкой персональных данных (это пока единственная международная конвенция по вопросам, связанным с неприкосновенностью частной жизни), и законодательство разных стран, вне зависимости от того, являются ли они участниками этой Конвенции, более или менее последовательно отвечает этим принципам. Европейская конвенция о правах человека

- старейший по времени международный договор, назначение которого состоит в том, чтобы гарантировать соблюдение прав человека и охраны частной жизни [25].

Поэтому предоставляемые ею гарантии защиты прав человека являются наиболее развитыми и жесткими. Конвенция представляет собой уникальнейшую систему европейского права в области прав человека. При этом следует иметь в виду, что контрольные органы Совета Европы связаны с прецедентным правом и функционируют независимо от национальных судебных органов государств-участников Конвенции [26].

Прежде всего, Конвенция устанавливает требования, предъявляемые к самим данным. Персональные данные должны быть получены добросовестным и законным путем; они должны собираться и использоваться для точно определенных и не противоречащих закону целей и не использоваться для целей, несовместимых с теми, для которых были собраны; они должны быть относящимися к делу, полными, но не избыточными с точки зрения тех целей, для которых они накапливаются; они должны храниться в такой форме, которая позволяет идентифицировать субъектов данных не больше, чем этого требует цель, для которой они собраны. Еще один принцип гласит, что персональные данные о национальной принадлежности, политических взглядах либо религиозных или иных убеждениях, а также персональные данные, касающиеся здоровья или сексуальной жизни, могут подвергаться компьютерной обработке только в тех случаях, когда правопорядок предусматривает твердые гарантии их конфиденциальности [27].

Наконец, Конвенция предусматривает гарантии для субъектов данных. Эти гарантии состоят в предоставлении любому лицу права быть осведомленным о существовании базы персональных данных и о ее главных целях, а также о ее юридическом адресе; периодически и без лишних затрат времени или средств каждый должен иметь возможность обратиться с запросом о том, накапливаются ли в базе данных его персональные данные, и получить информацию о таких данных

в доступной форме; требовать изменения или уничтожения данных, которые не соответствуют требованиям, перечисленным выше (точности, отнесенности к определенной цели и др.); прибегнуть к судебной защите нарушенного права, если его запрос либо требование о доступе к его персональным данным, уточнении или уничтожении данных не были удовлетворены. Изъятие из этих положений допускается только в том случае, если оно прямо предусмотрено законом и представляет собой необходимую в демократическом обществе меру, установленную для охраны государственной и общественной безопасности, финансовых интересов государства или для пресечения преступлений.

На международном уровне, помимо основных соглашений, в которых закреплены гарантии защиты персональных данных (Всеобщая Декларация прав человека 1948 г. (ст.12), Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. (ст. 17), Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (ст. 8), Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека) действуют и специализированные соглашения, более подробно регулирующие данную сферу общественных отношений.

Право на частную жизнь международная практика связывает с охраной той информации, которая может быть отождествлена с конкретным человеком. Документы, принятые в 1981, 1986 и 1987 гг. в рамках Совета Европы, устанавливают основные принципы сбора, хранения, использования и передачи информации персонального характера. Кроме случаев, предусмотренных законодательством, персональные данные должны быть получены от лиц, к которым эти данные относятся, или из других источников с согласия субъекта данных. Сбор персональных данных, относящихся к расе, политическим или религиозным убеждениям, к сексуальной жизни, вообще не должен разрешаться [28].

Законодательство ряда зарубежных государств определяет порядок реализации права граждан на ознакомление с информацией

об их частной жизни. Для этого создаются общедоступные регистры, в которых публикуются сведения об организациях, собирающих и обрабатывающих персональные данные, о характере этих данных, целях и способах их использования и передачи. Законодательство предусматривает право лица запрашивать соответствующие организации о наличии у них какой-либо информации, относящейся к данному лицу, а также возможность обжаловать неправомерные действия держателей информации.

Комитет ООН по правам человека (32 сессия, 1968 г.) дал толкование терминам «незаконное» и «произвольное вмешательство». Термин «незаконное» означает, что вмешательство в частную жизнь вообще исключается, если оно не предусмотрено законом. Как верно отмечает В.Н. Блотский в своем диссертационном исследовании, термин «произвольное» указывает на то, что вмешательство, допускаемое законом, должно соответствовать положениям, целям и задачам Международного пакта о гражданских и политических правах и в любом случае быть обоснованным [29]. Предусматривая возможность законного и непроизвольного вмешательства в частную жизнь, международное право и Конституция РФ позволяют установить равновесие между правами отдельного лица и более общими интересами демократического общества, когда между ними возникают противоречия. Поскольку международное право и Конституция допускают законное и непроизвольное вмешательство, то оно рассматривается в виде оговорок к общему запрету [30].

17 декабря 1979 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла без голосования резолюцию и Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка. Согласно ст. 4 Кодекса «сведения конфиденциального характера, получаемые должностными лицами по поддержанию правопорядка, сохраняются в тайне, если исполнение обязанностей или требования правосудия не требуют иного». В комментарии к ст. 4 разъясняется, что лица, обладающие полицейскими полномочиями,

«получают информацию, которая может относиться к личной жизни других лиц или потенциально повредить интересам таких лиц и особенно их репутации. Следует проявлять большую осторожность при сохранении и использовании такой информации, которая разглашается только при исполнении обязанностей или в целях правосудия. Любое разглашение такой информации в других целях является неправомерным» [31].

Тем не менее, проблема защиты неприкосновенности частной жизни имеет и другую, не менее важную сторону – это и проблема защиты частного лица от других частных лиц или институтов, от средств массовой информации. Анализ судебной практики позволяет сделать вывод, что большинство из всех рассмотренных дел по искам об опровержении порочащих и не соответствующих действительности сведений связано с участием в них различных средств массовой информации.

Так, в Великобритании существует Комитет жалоб на прессу. Его деятельность попала под пристальное внимание после гибели принцессы Дианы, которую в последние годы ее жизни пресса буквально преследовала. Оказалось, что деятельность данного Комитета финансируется средствами массовой информации. И это объяснило, почему существовало множество примеров, когда недопустимое проникновение прессы в частную жизнь получало минимальное наказание, которое многие британские юристы (Д. Глэдвелл) называли ничтожным [32].

В противовес можно привести Австрийский Комитет по защите информации, куда может каждый гражданин обратиться с жалобой, связанной с обработкой информации о нем любым правительственным учреждением или частным лицом.

Международные процедуры в области охраны частной жизни представляют собой методы, порядок рассмотрения, проверки, подготовки предложений и принятие решений по сообщениям, заявлениям и иной информации о нарушениях прав человека. Контрольные механизмы представляют собой определенные организационные

структуры (международные суды по правам человека, международные организации, включая комитеты, комиссии, рабочие группы, специальных докладчиков). В рамках одного контрольного органа могут использоваться различные процедуры. Лица, входящие в состав того или иного контрольного органа, могут, конечно, быть представителями государства, но, как правило, чаще являются частными лицами. Это принцип международных правовых процедур и контрольных механизмов. То есть производится какая-то независимая правовая экспертиза и оценка с возможным принятием решения. Упомянутые лица не получают, как правило, указаний от своих правительств и не отвечают перед ними за свою деятельность в составе того или иного органа. Естественно, о каких-то указаниях и отчетах никак нельзя говорить применительно, например, к судьям Международного суда по правам человека, к специальным докладчикам (например, к специальным докладчикам в системе Организации Объединенных Наций, и, конечно, экспертам, которые производят независимую правовую экспертизу.

Международные процедуры в области охраны частной жизни по методам и источникам сбора информации можно, на мой взгляд, разделить на следующие категории.

Первая большая категория - это рассмотрение докладов государств международной организации или в ином органе о выполнении этими государствами своих обязательств в области прав человека. Например, в 1999 г. поставлен вопрос о подобном докладе Турции по соблюдению прав человека, и связано это с известным арестом известного курдского деятеля.

Второе - это рассмотрение жалоб

или заявлений государств друг на друга по поводу нарушения таких обязательств. Это традиционная часть.

Третье - это рассмотрение индивидуальных жалоб, заявлений отдельных лиц, групп или неправительственных организаций на нарушения прав граждан в области охраны частной жизни тем или иным государством. Вот эта третья составляющая выходит как бы на главенствующее место сейчас в Европе применительно к нашему участию в Совете Европы и применительно к деятельности Международного Суда по правам человека в Страсбурге [33].

И, наконец, четвертая, реже встречающаяся группа - это изучение ситуаций, связанных с предполагаемыми нарушениями прав человека и охраны частной жизни. Исследование зарубежных законов о защите данных в ряде стран показало, что все персональные данные определяются по критерию «чувствительность». Так как понятие «чувствительности» персональной информации достаточно субъективно, то на базе многих прецедентов в гражданском судопроизводстве стран общего права был сформулирован следующий принцип: раскрытие некоего факта частной жизни (персональных данных) признавалось посягательством на сферу частной жизни, если было доказано, «что раскрытие этого факта было высокопредосудительным с точки зрения любого благоразумного человека, наделенного обычной чувствительностью». Смысл этого судебного критерия в том, что «закон не предназначен для защиты сверхчувствительных людей, поскольку каждый человек должен до некоего обоснованного предела открывать свою жизнь для пристального внимания общества» [34].

Список литературы:

- [1] Дэннис Э., Мэррил Дж. Беседы о масс-медиа. // Пер. с англ. М., Вагриус. 1997 г.
- [2] Лагуткин А.В. Россия на распутье: куда пойдём? // Международный академический журнал Российской академии естественных наук. 2013. № 4.
- [3] Фролова Е.А. Проблемы коллективного управления авторскими и смежными правами // Право и управление. 2024. № 1. С. 103-107.
- [4] Иванова С.А. Проблемы классификации частного и публичного права: научный подход // Вестник академии права и управления 2014, № 34. С.30-34.
- [5] Данное наблюдение лишний раз подтверждает вышеприведенный тезис

относительно параллельности развития права на информацию вообще и права на информацию для средств массовой информации.

[6] Бажанов С.А., Медведева И.Н. К вопросу об оценке гражданами уровня коррупции в сфере предоставления услуг (по материалам исследования 2019 г.) // *Право и управление*. 2023. № 4. С. 28-29.

[7] Мамут Л. С. *Народ в правовом государстве*. М.: НОРМА. 1999. 160 с.

[8] Всеобщая Декларация прав человека. Принята и провозглашена Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г., ст. 19 // *Сборник документов*. М.: НОРМА - ИНФРА - М. 1998 г. С. 39 - 44.

[9] Панина С.А. Актуальные проблемы примирительных процедур в гражданском процессе // *Право и управление*. 2023. № 1. С. 46.

[10] Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (вместе с Протоколом № 1 (Подписан в г. Париже 20.03.1952), Протоколом № 6 "Об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый протокол к ней" (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), Протоколом № 7 (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) // *Собрание законодательства РФ*. 08.01.2001. № 2. ст. 163.

[11] Международный пакт от 16 декабря 1966 "О гражданских и политических правах" // *Бюллетень Верховного Суда РФ*. № 12. 1994.

[12] Симачкова Н.Н., Чупина И.П., Зарубина Е.В., Петрова Л.Н., Фетисова А.В. К проблеме развития карьеры молодых специалистов в образовательных организациях // *Право и управление*. 2024. № 2. С. 317.

[13] Капинус Н.И. Участие адвоката в подготовке и рассмотрении дел Европейским судом по правам человека. Дела судебные. Адвокаты делятся опытом. Выпуск 1. // М.: Юрлитинформ, 2004. С. 43.

[14] Если по заявлению не принято решение Комитета, то, исходя из практики ЕСПЧ, решение о приемлемости принимается Палатой по завершении состязательной процедуры, а иногда и после проведения публичного слушания. В исключительных случаях такое решение принимается после открытых слушаний и/или по приемлемости и/или существу дела. Так и происходило при рассмотрении в 2001-2002 году первого прецедентного дела в отношении Российской Федерации — дела «Калашиников против России».

[15] *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2001. № 2. Ст. 163.

[16] Капинус Н.И. Участие адвоката в подготовке и рассмотрении дел Европейским судом по правам человека. Дела судебные. Адвокаты делятся опытом. Выпуск 1. // М.: Юрлитинформ, 2004. С. 44.

[17] Грудцына Л.Ю. *Квалификационный экзамен на присвоение статуса адвоката. Учебное пособие* / Под ред. проф. А.Д. Бойкова. 2-е изд., изм. и доп. М.: Эксмо, 2006. 544 с.

[18] Грудцына Л.Ю. Адвокатура как ведущий конституционно-правовой институт оказания квалифицированной юридической помощи населению // *Современное право*. 2007. № 8 (1).

[19] Решение по вопросу приемлемости жалобы № 48787/99 Илия Илиеску, Александру Ляшко, Андрей Иванточ и Тудор Петров-Попа против Молдавии и РФ" (Ilie Ilaşcu, Alexandru Lesco, Andrei Ivantoc and Tudor Petrov-Popa against Moldova and the Russian Federation) // *Журнал российского права*. 2002 г. № 4. С. 111 - 132.

[20] Грудцына Л.Ю. *Ваш адвокат: практические ответы на актуальные вопросы*. 2-е изд., изм. и доп. М.: Эксмо, 2006. 703 с.

[21] Грудцына Л.Ю., Иванова С.А., Пашенцев Д.А., Петровская О.В. *Развитие высшего юридического образования в современной России: Монография*. – М.: Юркомпани, 2014. 160 с.

[22] Грудцына Л.Ю. *Ваш личный адвокат. Решите проблему, не доводя до суда.* 5-е изд., изм. и доп. Ростов н/Д: Феникс, 2006. 348 с.

[23] Грудцына Л.Ю. Судебная защита прав и свобод личности // *Российская юстиция.* 2006. № 2. С. 25-27.

[24] Торопов М.С., Гриб В.Г. Правовой подход к пониманию диффамации // *Право и управление.* 2024. № 2. С. 110.

[25] Петрякова С.В., Кот Е.М., Малькова Ю.В., Горбунова О.С., Пильникова И.Ф. К вопросу о мотивации персонала в образовательных учреждениях // *Право и управление.* 2024. № 2. С. 319.

[26] Малькова Ю.В., Кот Е.М., Горбунова О.С., Пильникова И.Ф., Петрякова С.В. Инструменты процесса управления персоналом в современной организации // *Право и управление.* 2024. № 1. С. 315.

[27] Кочанжи И.Д., Кудряшова С.Н., Рукавишникова Т.А., Шибанова А.А. Некоторые аспекты понятий экономико-правовых рисков // *Право и управление.* 2024. № 1. С. 360-361.

[28] Иванский В. П. Проблемы гармонизации национальных законов в сфере защиты трансграничных персональных данных. Вестник РУДН. Вып. 1. М. Изд. РУДН. 1998.

[29] Блотский В.Н. Конституционное обеспечение права человека на неприкосновенность частной жизни в Российской Федерации / Дисс... канд. юрид. наук. – М., 2001. – С. 26.

[30] Международные нормы о правах человека и применение их судами Российской Федерации: Практическое пособие. М. 1996. С. 157.

[31] Блотский В.Н. Конституционное обеспечение права человека на неприкосновенность частной жизни в Российской Федерации / Дисс... канд. юрид. наук. – М., 2001. – С. 27.

[32] Блотский В.Н. Конституционное обеспечение права человека на неприкосновенность частной жизни в Российской Федерации / Дисс... канд. юрид. наук. – М., 2001.

[33] Петрякова С.В., Кот Е.М., Малькова Ю.В., Горбунова О.С., Пильникова И.Ф. К вопросу о мотивации персонала в образовательных учреждениях // *Право и управление.* 2024. № 2. С. 319.

[34] Судебное определение по делу «Диас против Окленд Трибьюн Инкорпорејтед». Цит. по: Freedman W. *Right of Privacy in Age of Computer.* London, New York. 1986. P. 53-54

References:

[1] Dennis E., Merrill J. *Conversations about mass media.* // Translated from English. Moscow, Vagrius. 1997. 383 p.

[2] Lagutkin A.V. *Russia at a crossroads: where are we going?* // *International academic journal of the Russian academy of natural sciences.* 2013. № 4.

[3] Frolova E.A. *Problems of collective management of copyright and related rights* // *Law and management.* 2024. № 1. P. 103-107.

[4] Ivanova S.A. *Problems of classification of private and public law: a scientific approach* // *Bulletin of the Academy of Law and Management* 2014, № 34. P. 30-34.

[5] This observation once again confirms the above thesis regarding the parallel development of the right to information in general and the right to information for the media.

[6] Bazhanov S.A., Medvedeva I.N. *On the issue of citizens' assessment of the level of corruption in the sphere of service provision (based on the 2019 study)* // *Law and Management.* 2023. № 4. Pp. 28-29.

[7] Mamut L.S. *People in a rule-of-law state.* Moscow: NORMA. 1999. 160 p.

[8] *Universal Declaration of Human Rights. Adopted and proclaimed by the UN General Assembly on December 10, 1948, Art. 19* // *Collection of documents.* Moscow: NORMA - INFRA - M.

1998. Pp. 39 - 44.

[9] Panina S.A. *Actual problems of conciliation procedures in civil proceedings* // *Law and Management*. 2023. № 1. P. 46.

[10] *Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (Concluded in Rome on 04.11.1950) (together with Protocol № 1 (Signed in Paris on 20.03.1952), Protocol № 6 "On ensuring certain rights and freedoms other than those already included in the Convention and the First Protocol thereto" (Signed in Strasbourg on 16.09.1963), Protocol № 7 (Signed in Strasbourg on 22.11.1984))* // *Collected Legislation of the Russian Federation*. 08.01.2001. № 2. Art. 163.

[11] *International Covenant of December 16, 1966 "On Civil and Political Rights"* // *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*. № 12. 1994.

[12] Simachkova N.N., Chupina I.P., Zarubina E.V., Petrova L.N., Fetisova A.V. *On the Problem of Career Development of Young Specialists in Educational Organizations* // *Law and Management*. 2024. № 2. P. 317.

[13] Kapinus N.I. *Participation of a Lawyer in the Preparation and Consideration of Cases by the European Court of Human Rights. Court Cases. Lawyers Share Their Experience. Issue 1.* // Moscow: Yurlitinform, 2004. P. 43.

[14] *If the Committee has not made a decision on the application, then, based on the practice of the ECHR, a decision on admissibility is made by the Chamber upon completion of the adversarial procedure, and sometimes after a public hearing. In exceptional cases, such a decision is made after open hearings and/or on the admissibility and/or merits of the case. This is what happened during the consideration of the first precedent case against the Russian Federation in 2001-2002 - the case of "Kalashnikov v. Russia".*

[15] *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2001. № 2. Art. 163.

[16] Kapinus N.I. *Participation of a Lawyer in the Preparation and Consideration of Cases by the European Court of Human Rights. Court Cases. Lawyers Share Their Experience. Issue 1.* // Moscow: Yurlitinform, 2004. P. 44.

[17] Grudtsyna L.Yu. *Qualification Examination for Assigning the Status of a Lawyer. Study Guide* / Ed. by prof. A.D. Boykov. 2nd ed., amended and supplemented. Moscow: Eksmo, 2006. 544 p.

[18] Grudtsyna L.Yu. *Advocacy as a leading constitutional and legal institution for providing qualified legal assistance to the population* // *Modern Law*. 2007. № 8 (1).

[19] *Decision on the admissibility of complaint No. 48787/99 Ilie Ilascu, Alexandru Lesco, Andrei Ivantoc and Tudor Petrov-Popa against Moldova and the Russian Federation* // *Journal of Russian Law*. 2002, № 4. Pp. 111 - 132.

[20] Grudtsyna L. Yu. *Your lawyer: practical answers to current issues*. 2nd ed., amended and supplemented. Moscow: Eksmo, 2006. 703 p.

[21] Grudtsyna L. Yu., Ivanova S. A., Pashentsev D. A., Petrovskaya O. V. *Development of higher legal education in modern Russia: Monograph*. - Moscow: Yurkompani, 2014. 160 p.

[22] Grudtsyna L. Yu. *Your personal lawyer. Solve the problem without bringing it to court*. 5th ed., amended and supplemented. Rostov n / D: Phoenix, 2006. 348 p.

[23] Grudtsyna L. Yu. *Judicial protection of individual rights and freedoms* // *Russian Justice*. 2006. № 2. Pp. 25-27.

[24] Toropov M. S., Grib V. G. *Legal approach to understanding defamation* // *Law and Management*. 2024. № 2. P. 110.

[25] Petryakova S. V., Kot E. M., Malkova Yu. V., Gorbunova O. S., Pilnikova I. F. *On the issue of personnel motivation in educational institutions* // *Law and Management*. 2024. № 2. P. 319.

[26] Malkova Yu.V., Kot E.M., Gorbunova O.S., Pilnikova I.F., Petryakova S.V. *Instruments of the personnel management process in a modern organization* // *Law and Management*. 2024. №

1. P. 315.

[27] Kochanzhi I.D., Kudryashova S.N., Rukavishnikova T.A., Shibanova A.A. *Some aspects of the concepts of economic and legal risks // Law and Management. 2024. № 1. P. 360-361.*

[28] Ivansky V.P. *Problems of harmonization of national laws in the field of protection of cross-border personal data. Bulletin of RUDN. Issue. 1. Moscow Publ. RUDN. 1998.*

[29] Blotsky V.N. *Constitutional Support for the Human Right to Privacy in the Russian Federation / Diss... Cand. Sci. (Law). – Moscow, 2001. – P. 26.*

[30] *International Norms on Human Rights and Their Application by the Courts of the Russian Federation: Practical Guide. Moscow, 1996. P. 157.*

[31] Blotsky V.N. *Constitutional Support for the Human Right to Privacy in the Russian Federation / Diss... Cand. Sci. (Law). – Moscow, 2001. – P. 27.*

[32] Blotsky V.N. *Constitutional Support for the Human Right to Privacy in the Russian Federation / Diss... Cand. Sci. (Law). – M., 2001.*

[33] Petryakova S.V., Kot E.M., Malkova Yu.V., Gorbunova O.S., Pilnikova I.F. *On the issue of staff motivation in educational institutions // Law and Management. 2024. № 2. P. 319.*

[34] *Court ruling in the case of "Diaz v. Oakland Tribune Incorporated". Cited from: Freedman W. Right of Privacy in the Age of Computer. London, New York. 1986. P. 53-54.*

СЕДОЙ Илья Сергеевич,

*начальник отделения по борьбе с имущественными преступлениями ОУР МУ МВД России
«Люберецкое»,*

e-mail: mail@law-books.ru

ПОНЯТИЕ И СИСТЕМА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье автором аргументирована позиция о том, что в аспекте исследования роли и места правоохранительных органов в системе решения задач государства имеет высокое теоретическое значение вопрос о правильном или ложном правопонимании, конституционном правопонимании осуществления профессиональных компетенций должностными лицами исследуемых органов. Этот вопрос имеет существенное значение, поскольку исключение ложного правопонимания при осуществлении профессиональных функций дает возможность в правильном направлении ориентировать правоохранительные органы на выполнение задач, поставленных перед ними государством.

Ключевые слова: правоохранительные органы, конституция, законность, права человека, прокуратура, государственная власть.

SEDOY Ilya Sergeevich,

*Head of the Department for Combating Property Crimes of the Ministry of Internal Affairs of
Russia «Lyuberetskoye»*

CONCEPT AND SYSTEM OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES: CONSTITUTIONAL AND LEGAL ASPECT

Annotation. In the article, the author argued the position that in the aspect of studying the role and place of law enforcement agencies in the system of solving state problems, the question of correct or false legal understanding, constitutional legal understanding of the exercise of professional competencies by officials of the studied bodies is of high theoretical importance. This issue is of significant importance, since the exclusion of false legal understanding in the exercise of professional functions makes it possible to orient law enforcement agencies in the right direction to fulfill the tasks assigned to them by the state.

Key words: law enforcement agencies, constitution, legality, human rights, prosecutor's office, state power.

Исследования в области взаимодействия являлось эффективным конституционно-правовых гарантий в Советский период, когда прокуроры публичной власти, показывают, что население взаимодействовали с местными советами в качестве конституционных гарантий депутатов, часто проводили лекции воспринимает суд и правоохранительные перед населением по профилактике и органы, в основном – прокуратуру [1]. Это предупреждению правонарушений и означает, что реформа прокуратуры должна преступлений, однако в настоящее время, такая учитывать возрастающие потребности и практика не имеет широкого распространения интересы граждан, особенно в области [3], что естественно сказывается на уровне реализации прав и свобод, их действенной соблюдения законности и правопорядка в охраны и защиты. А это возможно сделать только при тесном взаимодействии в нашем государстве [4]. населения и органов прокуратуры [2]. Такое С этой позиции важно восстанавливать те лучшие традиции правового просвещения,

которые существовали в социалистическом обществе. В настоящее время важно создать диалоговые площадки, с использованием которых прокуроры могли бы общаться с людьми, обсудить наболевшие проблемы, принять жалобы, требующие оперативного вмешательства, особенно те, которые затрагивают интересы большинства населения [5]. Прокуроры, обладая высокой юридической квалификацией должны доводить до граждан положения Конституции Российской Федерации и законов на понятном им языке. Это очень важно для граждан, поскольку позволяет без лишних затруднений реализовывать и защищать свои права, свободы и законные интересы [2]. Во-первых, относительно высокий уровень материального и финансового обеспечения работников прокуратуры должен мотивировать на аналогичную высокую степень отдачи на службе. В этом плане важен разумный альтруизм, который в конечном итоге обеспечит высокую степень доверия граждан к органам российской прокуратуры, призванным охранять и защищать конституционные ценности. Во-вторых, с теоретико-правовой точки зрения, возможно, было бы совершенствовать дефинитивный аппарат понятия прокуратуры в части выработки основной компетенции надзорных ведомств, поскольку в редакции части 1 ст. 129 Конституции Российской Федерации указано, что прокуратура осуществляет надзор за соблюдением и исполнением законов, а как быть с «использованием» и «применением»? – весьма важными стадиями реализации права, наряду с «соблюдением» и «исполнением» [3].

Представляется, что прокуратура для того и создана, чтобы осуществлять надзор за правоприменителями т.е. теми нижестоящими органами исполнительной власти, которые в реальном, оперативном режиме осуществляют оперативно-розыскную деятельность, предварительное следствие, дознание и др [6]. С телеологической позиции толкования Конституции Российской Федерации, прокуратура должна не только осуществлять надзор за субъектами исполнительной ветви власти в части реализации права, но

и осуществлять мониторинг объективного права т.е. должна анализировать законодательство, муниципальные правовые акты на предмет их соответствия Конституции Российской Федерации. С этой точки зрения Конституция Российской Федерации наполняет прокуратуру субъектно-объектным смыслом и содержанием, что делает ее работу не только специфической, но и даже универсальной. При этом реформирование прокуратуры в свете новых конституционных положений позволяет прокуратуре не только осуществлять надзор за соблюдением и исполнением законов, но и способствовать защите самой Конституции Российской Федерации используя возможности, предоставленные Генеральному Прокурору Российской Федерации [7].

Решение актуальных вопросов, стоящих в аспекте реформирования системы правоохранительных органов на современном этапе должно исходить из анализа проблемных аспектов совершенствования деятельности правоохранительных органов и выработки мер по их решению. Наиболее важными в этом аспекте являются проблемы излишней централизации правоохранительных учреждений. По словам профессора А.С. Александрова, если бы «министерства» не существовало, сотрудникам оперативно-следственных подразделений было бы гораздо проще выполнять возложенные на них задачи и функции [8]. С чем связана такая позиция ученого? Как представляется тем, что система правоохранительных органов действительно весьма централизована. Однако, это не основная проблема, поскольку больше волнует вопрос о построенной организационной структуре правоохранительных органов, в которых порой создаются подразделения, мешающие эффективно работать рядовым сотрудникам органов правопорядка, которые в реальном режиме времени предотвращают преступления и правонарушения. Так, А.С. Александров отмечает, что в системе МВД России, широкое распространение получили так называемые контрольно-методические управления, которые занимаются согласованием различных значимых решений, формируют стандарты правоприменения,

занимаются распределением дел [4].

По некоторым данным, однако, требующим проверки, численность полиции в России сегодня составляет более 500 полицейских на 100 тыс. жителей. В развитых странах (Западная Европа и США) численность полиции находится в интервале 155-370 на 100 тыс.; в среднеразвитых (Южная и Центральная Европа) этот показатель составляет 200-450 сотрудников на 100 тыс. населения. Более многочисленна, чем в России, полиция только в Беларуси (813). Среднемировой показатель - 300 полицейских на 100 тыс. жителей [9]. Совершенно очевидно, что развитие бюрократической модели в структурах правоохранительных органов никак не сказывается на эффективности их работы, а создание дополнительных органов, комиссий, комитетов и проч., ведет к дополнительным расходам из федеральной казны [10]. Поэтому соглашаемся с мнением А.А. Гришкова, о необходимости демилитаризации системы органов внутренних дел, которая означает процесс разаттестации сотрудников органов внутренних дел, не имеющих прямого отношения к раскрытию и расследованию преступлений. Представляется, что этот процесс демилитаризации должен сопровождаться и упразднением тех структурных единиц правоохранительных органов, которые затрудняют развитие современной, отвечающей реалиям времени системы правоохранительных органов. При этом проблема преобладающей вертикальной координации в системе правоохранительных органов обуславливает более серьезную проблему – нарушение нормального морально-психологического климата в конкретной структурной единице правоохранительного органа [7]. В свою очередь от морально-психологического климата в коллективе сотрудников правоохранительных органов зависит фактурность возникающих конфликтогенов между ними и гражданами, что, конечно же, не способствует решению задачи переориентации органов правопорядка на охрану и защиту конституционных ценностей, поскольку в случае возникновения конфликтных ситуаций, возникающих, к примеру, между сотрудниками

правоохранительных органов, каждый стремится защитить самого себя [11].

Авторы комплексной организации управленческой реформы правоохранительных органов Российской Федерации указывают на слабость судов их неспособность выполнять роль арбитра, призванного соблюдать в уголовном процессе законные интересы граждан (потерпевшего и обвиняемого). С этим также нельзя согласиться, поскольку в российские суды нельзя оценивать, как слабые или сильные. Они выполняют важнейшую государственную функцию осуществления правосудия не в части соблюдения законных интересов потерпевших или обвиняемых, а скорее гарантируют соблюдение прав и свобод при осуществлении уголовного судопроизводства [12]. Суды в порядке осуществления конституционного, гражданского, административного, арбитражного и уголовного судопроизводства обеспечивают принцип законности в отношении лиц, привлеченных к участию в деле, в том числе, дисциплинируют участников процесса в случаях, когда они выходят за рамки своих полномочий. Вместе с тем, в процессе реформирования судебной системы в Российской Федерации следует учитывать обстоятельства субъективного плана [13] – негативные традиции, существующие в российских судах, когда судьи тесно коммуницируют со стороной обвинения, что редко приходится наблюдать по отношению к стороне защите [14].

Представляется, что в целях обеспечения соблюдения принципа состязательности в уголовном судопроизводстве следует искоренять такие негативные традиции, и наоборот возрождать институт народных заседателей, разумеется, в трансформированной форме. В настоящее время существуют идеи, которые проходят апробацию о введении института «судебных приставников» т.е. судей в отставке, которые будут привлекаться для помощи судьям с небольшим опытом работы [15]. В этом плане мы придерживаемся нейтральной позиции, поскольку с одной стороны введение такого института позволило бы влиять на судебные решения, с другой стороны может обеспечить

качество принимаемых судебных актов [16].

Важнейшим аспектом реформирования системы правоохранительных органов является вопрос о материальных гарантиях и финансовом обеспечении, как отдельных правоохранительных учреждений в общем смысле, так и сотрудников правоохранительных органов, в частности. Концепция реформирования системы правоохранительных органов в части финансового обеспечения должна исходить из капиталоемкого подхода, когда немногочисленные отделы и службы правопорядка качественно выполняют свои задачи и функции при условиях высокой оплаты труда. Следует продолжить реализовывать конституционные положения об охране общественного порядка на муниципальном уровне с тем, чтобы снизить нагрузку на органы внутренних дел в районах и сельских поселениях, а формирование и функционирование муниципальной службы по охране общественного порядка

финансировать за счет средств местных бюджетов [12]. Это повлечет за собой пересмотр подходов к численному составу должностных лиц, занятых на муниципальной службе.

Обоснована авторская позиция о необходимости разработки концепции охраны и защиты прав и свобод человека и гражданина правоохранительными органами Российской Федерации, поскольку это, во-первых, позволило бы выделить роль конкретных правоохранительных органов в такой охране и защите, во-вторых, позволило бы разгруппировать правоохранительные органы на те, которые участвуют в охране прав и свобод человека и гражданина, которые непосредственно обеспечивают права и свободы, на те, которые создают условия для реализации прав и свобод, и те, которые приводят реализацию прав и свобод в работоспособное (действенное) состояние [17].

Список литературы:

- [1] Шайхуллин М.С. Конституционно-правовые гарантии местного самоуправления в Российской Федерации: монография / М. С. Шайхуллин. – Москва: Юрлитинформ, 2016. С. 6.
- [2] Албогачиев А.А. Гуманитарные и социально-политические проблемы модернизации Кавказа / Сборник научных статей V Международной конференции / Ингушский государственный университет. 2017.
- [3] Гандалоев Р.Б. Общественно-политическая ситуация в Республике Ингушетия / В сборнике: Актуальные проблемы глобальных исследований: Россия в глобализирующемся мире. Сборник научных трудов участников VI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Под редакцией И.В. Ильина. 2019. С. 395-398.
- [4] Майстренко А.Г., Майстренко Г.А. Оптимизация мер социальной защиты сотрудников МВД России // Право и управление. 2024. № 1. С. 154-160.
- [5] Гандалоев Р.Б. Понятие политического единства // Образование. Наука. Научные кадры. 2020. № 3. С. 128-130.
- [8] Антопольский А.Б., Поляк Ю.Е., Усанов В.Е. Измерение присутствия в интернете образовательных учреждений // Проблемы современного образования. 2012. № 4. С. 117-131.
- [9] Грудцына Л.Ю., Филиппова А.В., Макарова Е.В., Кондратюк Д.Л., Усанов В.Е., Молчанов С.В. Профилактическая педагогика: методы формирования готовности студентов научно-исследовательского вуза к здоровому образу жизни // Международный электронный журнал математического образования. 2016. Т. 12. № 1. С. 51.
- [10] Александров А.С. Реформа полиции, реформа обвинительной власти России – путь к Евроинтеграции // Юридическая наука и правоохранительная практика. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reforma-politsii-reforma-obvinitelnoy-vlasti-rossii-put-k-evrointegratsii> (дата обращения: 18.06.2025).
- [12] Концепция комплексной организации управленческой реформы правоохранительных

органов Российской Федерации. СПб, 2013. С. 20.

[13] Чернявский А.Г. Состояние исследования проблемы юридической ответственности в российской правовой науке // *Право и общество*. 2015. № 2 (14). С. 20-67.

[15] Пашенцев Д.А., Чернявский А.Г. История отечественного государства и права. Учебное пособие / Москва, 2016. 429 с.

[16] Саламов А.Х., Ужахова Л.Я., Султыгова З.Х. Тестирование как одна из форм контроля знаний по химии / В сборнике: *Сборник научных трудов Ингушского государственного университета*. Магас, 2014. С. 312-324.

[17] Саламов А.Х., Мартазанова Р.М., Султыгова З.Х. Организация самостоятельной работы при изучении биологической химии студентами – будущими спортсменами / В сборнике: *Вузовское образование и наука. Материалы региональной научно-практической конференции*. 2014. С. 175-177.

[18] Ильгова Е.В. Проблемы правового регулирования организации и деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав в Российской Федерации // *Вопросы ювенальной юстиции*. 2009. № 5. С. 19-25.

[19] Карачаев А.Р. О некоторых аспектах квалификации преступлений // *Право и управление*. 2024. № 1. С. 161-163.

[20] Акбашиев Б.Б. Ведомственные акты в механизме правового регулирования // *Право и управление*. 2024. № 1. С. 50-55.

[22] Чернявский А.Г. О понятии реализации экономической функции права // *Вестник Академии права и управления*. 2012. № 27. С. 11-18.

References:

[1] Shaikhullin M.S. Constitutional and legal guarantees of local self-government in the Russian Federation: monograph / M. S. Shaikhullin. - Moscow: Yurlitinform, 2016. P. 6.

[2] Albogachiev A.A. Humanitarian and socio-political problems of modernization of the Caucasus / Collection of scientific articles of the V International Conference / Ingush State University. 2017.

[3] Gandaloiev R.B. Socio-political situation in the Republic of Ingushetia / In the collection: *Actual problems of global studies: Russia in a globalizing world. Collection of scientific papers of participants of the VI All-Russian scientific and practical conference with international participation*. Edited by I.V. Ilyin. 2019. P. 395-398.

[4] Maistrenko A.G., Maistrenko G.A. Optimization of social protection measures for employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia // *Law and Management*. 2024. № 1. P. 154-160.

[5] Gandaloiev R.B. The concept of political unity // *Education. Science. Scientific personnel*. 2020. № 3. P. 128-130.

[8] Antopolsky A.B., Polyak Yu.E., Usanov V.E. Measuring the presence of educational institutions on the Internet // *Problems of modern education*. 2012. № 4. P. 117-131.

[9] Grudtsyna L. Yu., Filippova A. V., Makarova E. V., Kondratyuk D. L., Usanov V. E., Molchanov S. V. Preventive pedagogy: methods of forming the readiness of students of a research university for a healthy lifestyle // *International Electronic Journal of Mathematical Education*. 2016. Vol. 12. № 1. P. 51.

[10] Aleksandrov A.S. Police reform, reform of the prosecutorial power of Russia - the path to European integration // *Legal science and law enforcement practice*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reforma-politsii-reforma-obvinitelnoy-vlasti-rossii-put-k-evrointegratsii> (accessed 18.06.2025).

[12] The concept of a comprehensive organization of the management reform of law

enforcement agencies of the Russian Federation. St. Petersburg, 2013. P. 20.

[13] Chernyavsky A.G. *The state of the study of the problem of legal liability in Russian legal science // Law and Society. 2015. № 2 (14). P. 20-67.*

[15] Pashentsev D.A., Chernyavsky A.G. *History of the domestic state and law. Textbook / Moscow, 2016. 429 p.*

[16] Salamov A.Kh., Uzhakhova L.Ya., Sulygova Z.Kh. *Testing as one of the forms of knowledge control in chemistry / In the collection: Collection of scientific papers of the Ingush State University. Magas, 2014. Pp. 312-324.*

[17] Salamov A.Kh., Martazanova R.M., Sulygova Z.Kh. *Organization of independent work in the study of biological chemistry by students - future athletes / In the collection: University education and science. Materials of the regional scientific and practical conference. 2014. Pp. 175-177.*

[18] Ilgova E.V. *Problems of legal regulation of the organization and activities of commissions on minors and the protection of their rights in the Russian Federation // Issues of juvenile justice. 2009. № 5. P. 19-25.*

[19] Karachaev A.R. *On Some Aspects of Crime Qualification // Law and Management. 2024. № 1. P. 161-163.*

[20] Akbashev B.B. *Departmental Acts in the Mechanism of Legal Regulation // Law and Management. 2024. № 1. P. 50-55.*

[22] Chernyavsky A.G. *On the Concept of Implementation of the Economic Function of Law // Bulletin of the Academy of Law and Management. 2012. № 27. P. 11-18.*

ПРАВОСУДИЕ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.07.2025 г.

КОНОНОВ Давид Александрович,

*кандидат юридических наук, научный сотрудник НИИ образование и науки, руководитель практики «Сопровождение процедур банкротства и антикризисный консалтинг» юридической компании «ЛКП»,
e-mail: mail@law-books.ru*

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВОСУДИЕ В ГРАЖДАНСКОМ И АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация. В статье рассмотрены научные мнения по поводу сущности и правовой природы электронного правосудия, приведены варианты его определений, рассмотрена методологические основы его исследования, проанализированы различные практические аспекты его реализации. Настоящая статья посвящена исследованию особенностей электронного правосудия в гражданском и арбитражном процессе Российской Федерации.

Ключевые слова: электронное правосудие, гражданский процесс, арбитражный процесс, интернет-технологии, информационные технологии, искусственный интеллект.

KONONOV David Alexandrovich,

Candidate of Law, researcher at the Research Institute of Education and Science, head of the practice «Support of bankruptcy procedures and anti-crisis consulting» of the law firm «LKP»

ELECTRONIC JUSTICE IN CIVIL AND ARBITRATION PROCEEDINGS IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Annotation. The article considers scientific opinions on the essence and legal nature of electronic justice, gives options for its definitions, considers the methodological foundations of its research, analyzes various practical aspects of its implementation. This article is devoted to the study of the features of electronic justice in the civil and arbitration process of the Russian Federation.

Key words: electronic justice, civil procedure, arbitration process, Internet technologies, information technology, artificial intelligence.

Основным отличием современной эпохи от всего того, что происходило с человечеством на протяжении всей его истории, является Интернет. Будучи изобретением, приобретшим широкое распространение относительно недавно, когда большинство из ныне живущих людей были в сознательном возрасте, Интернет уже навсегда изменил бытие человека, открыв ему путь в новую плоскость действительности – виртуальность. В человеческой жизни буквально не осталось ни одной сферы, в которой бы эта сеть не принесла колоссальные изменения, это в равной степени относится к промышленности, политике, образованию,

культуре, медицине, науке и т.д. Безусловно, столь обширная интернетификация своей основной причиной имеет выгоду от её использования, так как благодаря Интернету в первую очередь люди могут сэкономить самый главный ресурс – время.

Однозначно, большинство знакомых и привычных дел, которыми человечество занимается последние несколько тысяч лет, стали осуществляться намного быстрее именно благодаря доступу к всемирной сети, которая помимо своей прикладной функции по эффективному удовлетворению различных человеческих потребностей, представляет собой огромный массив информации, не

имеющий аналогов в нашем прошлом. Иными словами, Интернет не просто является удобным инструментом для поиска информации и взаимодействия с другими людьми, но в принципе выступает новым феноменом социальной действительности, полностью изменившей ткань человеческого общества.

Рефлексия на воздействие Интернета на социальную реальность ещё только начинается, пока прошло слишком мало времени для того, чтобы наука и общество смогли бы сформулировать, как на самом деле всемирная сеть изменила нашу жизнь, и что не менее важно, в какое русло она направила нашей развитие. Однако, уже сейчас можно констатировать, что современный мир невозможен без Интернета, и однозначно при современном его изучении необходимо обратить внимание на то, каким образом осуществляется институционализация его влияния в различных сферах жизни, и в первую очередь это касается государственной сферы.

Электронное правосудие в гражданском и арбитражном процессе за последние годы стало объектом активного изучения отечественных учёных. Данное явление рассматривали в своих научных трудах С.В. Романенкова, О.И. Виляк, Л.Ю. Грудцына, И.Н. Лукьянова, Р.С. Бурганов, А.В. Аносов, В.А. Мирошникова, В.А. Пономаренко, Р.А. Шарифуллин, С.Ю. Шараев, С.А. Иванова, Ю.А. Жданова, Л.В. Борисова, Р.Г. Бикмиев и так далее. В силу того, что воздействие информационных технологий на гражданский и арбитражный процесс возникло сравнительно недавно, этот факт является причиной различий в доктринальных дефинициях указанного понятия. Так, О.И. Виляк указывает на то, что электронное правосудие связано с активным внедрением в практику суда информатизированных систем и автоматизацией судопроизводства [1]. С.Ю. Шараев понимает под электронным правосудием «способом осуществления правосудия с использованием информационных технологий» [2]. А.В. Аносов считает, что электронное правосудие есть «способ и форма осуществления

участниками судопроизводства процессуальных действий с использованием информационных технологий» [3]. Важно отметить, что в приведённых определениях электронное правосудие воспринимается как способ осуществления правосудия при помощи интернет-технологий, что представляется самым простым и широко распространённым мнением в российской доктрине.

Однако, Л.В. Борисова предлагает воспринимать понятие электронного правосудия в широком и узком смыслах, и определение, предлагаемое А.В. Аносовым, по её мнению «не отражает всех его признаков и является излишне обобщённым» [4], в связи с чем Л.В. Борисова предлагает своё собственное, более конкретизированное определение электронного правосудия, которое по её мнению является «возможность суда и иных участников процесса осуществлять в электронной форме предусмотренные нормативными правовыми актами действия, непосредственно влияющие на начало и ход судебного разбирательства» [4], то есть на данный момент электронное правосудие не является способом осуществления правосудия как такового, но лишь возможной формой осуществления ряда процессуальных действий в рамках цивилистического процесса. Также следует упомянуть позицию В.В. Момотова, вводящего термин «цифровое правосудие», которое он предлагает разграничить от понятия собственно электронного правосудия ввиду того, что они соотносятся как свойство среды и форма хранения информации [5]. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что на настоящий момент в отечественной науке не сформировалось единого мнения по поводу сущности и правовой природы понятия электронного правосудия, ввиду чего существуют различные варианты его дефиниций. Безусловно, рассматриваемое явление представляет собой определённую связь между арбитражным и гражданским процессами и информационными технологиями, тем не менее как по причине недавнего возникновения электронного правосудия, так и ввиду разнообразия природы сочетания указанных технологий

и цивилистического процесса, различные авторы предлагают разные определения данного феномена, подчёркивая разные его разные аспекты.

При этом важно отметить, что в качестве правового явления электронное правосудие отличается от привычных для доктрины юридических феноменов, так как обладает особыми сущностными свойствами, определяемыми его технологическим и информационным компонентами. В связи с этим, для формирования объективного представления об электронном правосудии необходимо определить методологические основы, благодаря которым возможно восприятие сущности предмета настоящего исследования. Ввиду того, что электронное правосудие представляет собой использование информационных технологий в судопроизводстве, для формирования более ясного представления об этом явлении необходимо применение методов технических наук, что в определённом смысле является методологической новацией в правовой доктрине (конечно, если не считать технические нормы, исследование которых также требует применения подобных методов научного познания, однако однозначно в меньшей степени, чем электронное правосудие) [6].

Так, помимо универсальных методов познания, используемых в любом научном исследовании, такие как анализ и синтез, дедукция и индукция, абстрагирование и обобщение, конкретизация и аналогия и так, для изучения указанного явления также должны применяться юридические методы познания, большинство из которых характерны для наук социально-гуманитарного цикла, однако есть также методы, присущие исключительно юридическим наукам, что обусловлено спецификой объекта исследования. Так, к общегуманитарным методам относятся исторический, герменевтический, формально-догматический, в свою очередь к методам научного познания, характерных для юриспруденции, можно отнести специально-юридический метод, сравнительно-правовой, метод социально-правового эксперимента, государственно-правового моделирования,

социологических исследований в праве. В свою очередь, к методам познания технических наук, используемых при исследовании электронного правосудия, следует в первую очередь отнести кибернетический метод, заключающийся в использовании законов и средств кибернетической науки, компьютерное моделирование, идеализация и эксперимент. Совокупность указанных методов составляет методологические основы исследования электронного правосудия, и научному юридическому сообществу лишь предстоит более детальная проработка методологии изучения данного правового явления с наибольшим охватом теоретических особенностей его природы.

Акцент на научной методологии в данном вопросе необходим для того, чтобы в правовой доктрине было сформировано единое представление об электронном правосудии, разделяемое всеми исследователями, с возможным дальнейшим закреплением разработанной общепринятой дефиниции в форме правовой нормы. Подобное закрепление бесспорно окажет конструктивное влияние на восприятие феномена электронного правосудия субъектами процессуальных отношений, в первую очередь судейского сообщества и в особенности аппарата судов, а также непосредственными участниками судебного разбирательства и лицами, содействующими правосудию, так как благодаря этому станет возможным применение указанного термина исходя из его дефинитивной определённости, что однозначно упростит взаимопонимание между процессуальными субъектами [7].

Стоит отметить, что возможно в процессе теоретического исследования понятия электронного правосудия, будут сформулированы новые понятия, конкретизирующие, заменяющие или раскрывающие определённые аспекты изучаемого явления, что вполне возможно как ввиду активного развития интернет-технологий, так и адаптации концепции электронного правосудия под процессуальное законодательство. При этом, подобное станет возможным только в результате глубокого теоретического анализа указанного понятия,

что в свою очередь может быть осуществлено исключительно благодаря верной методологии, корректно учитывающей специфику предмета исследования. Однако на сегодняшний день данный аспект проблематики электронного правосудия не разработан в отечественной доктрине, будучи обделён вниманием исследователей, больше обращающих академический интерес на вопросы более прикладного характера, при этом благодаря хорошо разработанной методологии изучения электронного правосудия возможен также и их пересмотр [8].

Несмотря на то, что в современной правовой доктрине России сущность, дефиниция и методологические основы электронного правосудия продолжают вызывать обоснованные дискуссии и представляется, что в ближайшее время они не прекратятся, но напротив, будут набирать обороты, тем не менее электронное правосудие является неотъемлемой частью сегодняшней юридической практики, вследствие чего анализ его непосредственной реализации окажет посильную помощь в теоретической рефлексии рассматриваемого понятия. Так, как феномен современного права, электронное правосудие имеет два аспекта выражения – с одной стороны, это применение интернет-технологий в рамках судебного разбирательства, а также формирование цифровой судебной практики. Первый аспект связан с тем,

каким образом интернет-технологии оказывают влияние на непосредственный ход самого судопроизводства. Следует отметить, что работа суда по отправлению правосудия составляет большую часть предмета регулирования процессуального законодательства, так как только соответствие его строгой регламентации может обеспечить вынесение справедливого решения, соответствующего духу закона, в противном случае суд де факто будет осуществлять произвол [9].

В контексте всё более возрастающей роли всемирной сети во всех сферах жизни необходим рассмотреть его влияние на такой важный государственный институт, как суд. Будучи отдельной ветвью власти, судебная система выполняет важнейшую роль по урегулированию конфликтов, возникающих между участниками общественных отношений, на основании закона, благодаря чему одновременно реализуется установленная государством законодательство, а также удовлетворяются интересы указанных участников. Ввиду этого, значение влияния Интернета на суд и судебную деятельность представляет собой особый интерес, так как глобальная сеть показала, что она многократно увеличивает эффективность любой деятельности, вследствие чего воздействие Интернета на судебную систему также должна показать аналогичные результаты.

Список литературы:

- [1] Виляк О.И. Процессуально-правовые и организационно-технические проблемы использования видеоконференцсвязи в арбитражном процессе // *Арбитражный и гражданский процесс*. 2012. № 7. С. 13-20.
- [2] Шараев С.Ю. Электронное правосудие: итоги и перспективы // ГАРАНТ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/action/regional/271319/> (дата обращения: 19.05.2024).
- [3] Аносов А.В. Информационно-правовые вопросы формирования электронного правосудия в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 179 с.
- [4] Борисова Л.В. Электронное правосудие как форма судебной защиты в России // *Актуальные проблемы российского права*. 2020. Т. 15. № 6. С. 105-111.
- [5] Момотов В.В. Электронное правосудие в Российской Федерации: миф или реальность // *Совет судей Московской области* [Электронный ресурс]. URL: <http://mos.ssrif.ru/dokumenty/obzory/42276> (дата обращения: 23.05.2024).
- [6] Пономаренко В. А. Новое упрощенное производство: эра электронного правосудия наступила? // *Арбитражный и гражданский процесс*. 2013. № 3. С. 25-30.

[7] Романенкова С.В. Понятие электронного правосудия, его генезис и внедрение в правоприменительную практику зарубежных стран // *Арбитражный и гражданский процесс*. 2013. № 4. С. 26-31.

[8] Лукьянова И.Н. Доказательства в гражданских делах в эпоху электронного правосудия // *Вестник ВГУ. Серия : Право*. 2018. № 4. С. 130-136.

[9] Жданова Ю.А. Правовая природа электронного правосудия и его место в системе институтов информационного общества // *Административное право и процесс*. 2015. № 4. С. 80 - 83.

References:

[1] Vilyak O.I. Procedural, legal and organizational-technical problems of using videoconferencing in arbitration proceedings // *Arbitration and civil procedure*. 2012. № 7. P. 13-20.

[2] Sharaev S.Yu. Electronic justice: results and prospects // *GARANT*. URL: <http://www.garant.ru/action/regional/271319/> (accessed 19.05.2024).

[3] Anosov A.V. Information and legal issues of the formation of electronic justice in the Russian Federation: diss. ... Cand. of Law. Moscow, 2016. 179 p.

[4] Borisova L.V. Electronic justice as a form of judicial protection in Russia // *Actual problems of Russian law*. 2020. V. 15. № 6. P. 105-111.

[5] Momotov V.V. Electronic justice in the Russian Federation: myth or reality // *Council of Judges of the Moscow Region*. URL: <http://mos.ssrp.ru/dokumenty/obzory/42276> (accessed 23.05.2024).

[6] Ponomarenko V.A. New simplified proceedings: has the era of electronic justice arrived? // *Arbitration and civil procedure*. 2013. № 3. P. 25-30.

[7] Romanenkova S.V. The concept of electronic justice, its genesis and implementation in the law enforcement practice of foreign countries // *Arbitration and civil procedure*. 2013. № 4. P. 26-31.

[8] Lukyanova I.N. Evidence in civil cases in the era of electronic justice // *Bulletin of Voronezh State University. Series: Law*. 2018. - № 4. P. 130-136.

[9] Zhdanova Yu.A. Legal nature of electronic justice and its place in the system of institutions of the information society // *Administrative law and process*. 2015. № 4. P. 80 - 83.

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.07.2025 г.

ГАЗИМАГОМЕДОВ Магомед Аминович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Института адвокатуры, нотариата и международных отношений (г. Махачкала, Республика Дагестан),
и.о. профессора кафедры уголовного права и криминологии Института финансов и права,
член Ассоциации юристов России,
e-mail: mail@law-books.ru

СУДЕБНОЕ ПРАВОТВОРЧЕСТВО В США: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ АМЕРИКАНСКОГО ПРЕЦЕДЕНТНОГО ПРАВА

Аннотация. В статье автор делает вывод о том, что традиционное разделение стран общего и романо-германского права по их отношению к источникам права носит в значительной степени внешний характер. По существу же, с учетом наличия таких инструментов, как *overruling* и *distinguishing*, прецеденты американских судов не носят абсолютно обязательного характера. Одновременно судебная практика высших европейских судов в силу специфики судебной иерархии в значительной степени предопределяет практику судов нижестоящих. С учетом этих тонкостей различение двух этих правовых семей по отношению к роли судебной практики в качестве источника права не может строиться на поверхностном признании такой роли за прецедентами в системе общего права и столь же поверхностном отказе в обязательной силе практике высших судов в странах континентальной правовой семьи. Отличия в этом вопросе между двумя правовыми семьями носят скорее технический, стилистический и процедурный, чем концептуальный характер.

Ключевые слова: правотворчество, судебная система США, прецедентное право, доктрина *stare decisis*, деликтное право, вещное право, *prospective overruling*.

GAZIMAGOMEDOV Magomed Aminovich,

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of the Institute of Advocacy, Notary and International Relations (Makhachkala, Republic of Dagestan), acting Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Institute of Finance and Law, member of the Russian Bar Association

JURISPRUDENCE IN THE UNITED STATES: THEORETICAL ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF AMERICAN CASE LAW

Annotation. In the article, the author concludes that the traditional separation of the countries of common and Romano-German law in relation to their sources of law is largely external. In essence, given the presence of tools such as *overruling* and *distinguishing*, the precedents of American courts are not absolutely binding. At the same time, the judicial practice of the highest European courts, due to the specifics of the judicial hierarchy, largely predetermines the practice of lower courts. Given these subtleties, the distinction between the two legal families in relation to the role of jurisprudence as a source of law cannot be built on a superficial recognition of such a role behind precedents in the common law system and an equally superficial rejection of the binding practice of the highest courts in the countries of the continental legal family. The differences in this issue between the two legal families are more technical, stylistic and procedural than conceptual.

Key words: law-making, US judicial system, case law, *stare decisis* doctrine, tort law, property law, *prospective overruling*.

Судебное правотворчество практически полностью покрывало такие сферы, как договорное, деликтное, вещное и многие другие области частного права. Механизм реального функционирования этой системы достаточно прост. Суд, впервые сталкивающийся с каким-то спором, в отношении которого не существует прецедента (*case of first impression*), выносит решение исходя из собственного понимания политики права, пытаясь найти решение, которое в наибольшей степени соответствовало бы идее справедливости, устоявшимся принципам права и таким ценностям, как определенность и согласованность права [1]. По сути, тем самым суд создает норму и применяет ее ретроспективно к конкретному спору. У этой технологии есть свои ограничения. Так, например, суды в силу принципа *nulla poena sine lege* в целом не склонны ретроспективно создавать новые составы преступлений [1]. Но в целом практически все частное право США формировалось именно так.

Как известно, американские суды всегда занимались правотворчеством. Вплоть до начала XX в. законодательная активность американских властей была минимальной. Подавляющее большинство правовых норм имело исключительно прецедентное происхождение. Поэтому европейская попытка закрыть правотворчество в стенах парламентов была здесь в принципе немыслима. Американские юристы даже не тратили силы на то, чтобы признать реальное отсутствие правотворческой монополии у законодателей, как их коллеги во Франции со времен Жени. Вопрос состоял лишь в том, чтобы перестать скрывать это правотворчество за ширмой декларативной теории, изучить этот феномен пристальнее и признать куда большую роль судебного усмотрения, чем традиционно допускала классическая доктрина *stare decisis*.

Впоследствии при поддержке этого решения судом высшей инстанции формируется прецедент, становящийся формально обязательным для последующих споров, рассматриваемых судами низших инстанций. Точнее говоря, обязательной считается только та правовая позиция, которая

стала основной предпосылкой для вынесения решения (*ratio decedendi*). Дополнительные аргументы, которые суд приводит для поддержки сделанного вывода (*obiter dictum*), считаются формально не обязательной для последующих споров, но иногда оказывают важное убеждающее влияние. Впоследствии при рассмотрении аналогичных споров суд определяет соответствие между фактами рассматриваемого спора и фактами прецедентного решения. При совпадении суд теоретически обязан дедуктивно применить правовую позицию прецедента. Но на практике суды, как это верно подметили реалисты, не в полной мере связаны прецедентами.

Во-первых, суды того же или более высокого уровня, что и суд, создавший прецедент, вправе отойти от него в новом споре и установить новый прецедент (*overruling*). Такое изменение правовой позиции в первой половине XX в., как правило, осуществлялось ретроспективно. Иначе говоря, новая правовая позиция начинает применяться ко всем отношениям, имевшим место и тогда, когда еще действовал старый прецедент. Исключительно перспективный пересмотр собственных прецедентов (*prospective overruling*) распространился в практике Верховного и апелляционных судов уже после Второй мировой войны.

Согласно данной практике, суд в качестве исключения может отойти от общего правила ретроспективного пересмотра прецедента и придать новому правилу исключительно перспективное значение, если ретроспективное его применение может вызвать значительные негативные последствия для сторон, ранее полагавшихся на старый прецедент. В такой ситуации суд применяет новую правовую позицию в отношении участников этого спора, создавая тем самым стимулы добиваться пересмотра устаревших прецедентов, но прямо указывает, что к отношениям других граждан, возникшим до создания этого нового прецедента, он не применяется [1]. Американские суды достаточно часто практиковали перспективное изменение судебной практики в 1960-е годы, но в последнее время используют этот метод достаточно редко. Куда чаще суды изменяют

прецеденты, как это и было принято раньше, сугубо ретроспективно.

Во-вторых, *ratio decidendi* прецедентов, как правило, никак не выделяется в тексте. Соответственно, определение того, что является обязательной правовой позицией, осуществляется судами, которые обязаны этот прецедент применять. Обычно решение мотивируется рядом аргументов и выносится на основе оценки целого ряда фактических обстоятельств. *Ratio decidendi* выглядит так: если Ф1, Ф2, Ф3... Фх, то П, где Ф - это различные обстоятельства спора, а П - сформированная правовая позиция. В этих условиях от судьи, перед которым стоит вопрос о применении этого прецедента, зависит, какой объем фактических обстоятельств прецедентного спора является определяющим для принятого решения, а какие условия не имеют такого значения. В каждом новом споре фактические обстоятельства, как правило, не совпадают на 100% с обстоятельствами прецедентного дела. Либо в новом споре отсутствует какое-то фактическое обстоятельство, имеющееся в прецеденте, либо, наоборот, в новом споре имеется какой-то фактический нюанс, который отсутствовал в прецеденте. Только суд определяет, достаточно ли эти отличия в фактах серьезны для того, чтобы «отличить» новый спор от имеющегося прецедента [1].

Этот нюанс оставляет судам достаточно большой простор для дальнейшего уточнения прецедентного правила и формирования исключений из него. Если, например, старый прецедент устанавливает правовую позицию о свободе завещания, а в новом споре обстоятельства идентичны прецедентному делу, за исключением того, что наследник убил наследодателя, то прерогатива суда, рассматривающего новый спор, - определить, насколько фактический нюанс нового спора принципиален. Если суд приходит к выводу, что политика права того требует, то он на основании наличия в новом споре этой особенности «отличает» его от прецедента, признает пробел в позитивном праве и создает новый прецедент, включающий в свой фактический состав убийство наследодателя.

В новом прецеденте свобода завещания отменяется на случай убийства наследодателя

наследником. В дальнейшем суды, применяющие этот новый прецедент, могут столкнуться со спором, в котором появится новый фактический нюанс, вызывающий к соответствующей политико-правовой реакции. Например, наследник убивает наследодателя в порядке самообороны. И в этом споре суд на основании этого отличия может отойти от прецедента об отказе наследнику-убийце в наследстве и вынести новое прецедентное решение уже в пользу наследника [1].

Именно в этих механизмах заложена причина мобильности и гибкости судебного правотворчества в стиле общего права. Американское договорное право, например, значительно изменилось за последние 150 лет. Влияние законодательства в этом изменении, безусловно, имелось (например, принятие ЕТК, законодательство о трудовых гарантиях прав работников). Но в значительной степени общее право обновлялось само в силу встроенных в его методологию приемов легитимизации случаев отхода от принципа *stare decisis*. Оба вышеуказанных приема отступления от этого принципа (*overruling* и *distinguishing*) в своей основе имеют оценку судом политики права и значительную степень свободы усмотрения. Оценка политики права меняется в зависимости от социального, экономического и культурного прогресса общества. Соответственно, обеспечивается и прогресс правовых форм. Иначе бы частное право США просто бы катастрофически устарело и не было бы способно соответствовать потребностям бурно развивающейся экономики и меняющимся культурным установкам.

В целом, как отмечается в литературе, американские суды следуют принципу *stare decisis* куда менее фанатично, чем их английские коллеги. Они куда свободнее используют технику изменения прецедентов, чем английские суды. Кроме того, американские суды намного охотнее используют практику «отличения», обновляя общее право [1].

Именно в таком формате американские суды творили и продолжают творить право. Движение реалистов лишь помогло

осмыслить реальную роль судебного усмотрения. Реальная же практика судебного правотворчества, по большому счету, мало изменилась. Суды продолжили делать то, что они делали раньше, только более открыто и транспарентно.

Иначе говоря, в американском праве нормы прецедентного права имеют презумптивно обязательную силу [2]. Суды склонны следовать прецедентам, но в принципе имеют ряд формально допустимых возможностей отойти от них, если соображения политики права очевидно требуют того. Как отмечается в одном из судебных решений, «суд обязан следовать прецеденту, если только потребность в стабильности, предсказуемости и единообразии в применении устоявшихся правил не будет перевешена потребностью в принятии нового правила» [1].

Решения американских судов сейчас носят достаточно транспарентный характер. Суды с конца 1930-х годов под воздействием идей реалистов стали куда более открыто мотивировать свои решения, все реже прибегая к фикциям и все чаще прямо анализируя вопросы политики права и взвешивая интересы [3]. Современные американские Верховный и апелляционные суды в сложных спорах (*hard cases*) не пытаются выдать свое решение за результат исключительно дедуктивного и механического процесса, часто приводят и балансируют политико-правовые аргументы, пытаясь убедить публику в содержательной рациональности решения [1].

В XIX в. законодательная активность в США была крайне низкой. Некоторые отдельные законы оценивались судами достаточно настороженно, так как они разрушали сбалансированную систему общего права. Закон воспринимался как инородное тело, которое, к сожалению, за исключением случаев его неконституционности, суды не могли устранить, но влияние которого следовало как минимум максимально локализовать. В этих условиях суды пытались толковать законодательные нормы, отличавшиеся от доктрин прецедентного права, максимально узко, чтобы снизить разрушительное влияние законодательных новелл [4].

Итак, научный дискурс первой половины XX в. в отношении вопросов толкования⁷ законов не был особенно продуктивным. Одна из немногих идей, которые реалисты передали следующим поколениям ученых, состояла в признании пробельности и неопределенности норм позитивного и в том числе законодательного регулирования и констатации отсутствия четкой иерархии и системы толкования законов. Это давало суду значительный простор для усмотрения при толковании. В то же время многие реалисты были сторонниками законодательных реформ Нового курса администрации Франклина Рузвельта и поэтому испытывали куда меньше недоверия к самой идее законодательного правотворчества, чем их предшественники - юристы XIX в. Как отмечает Попкин (Popkin), правовые реалисты симпатизировали законодательству, и хотя в целом они мало уделяли внимания вопросам толкования законов, если они и могли что-то сказать на этот счет, так это признать целесообразность объективно-телеологического толкования (например, Радин) [4].

Одновременно в течение первой половины XX в. объем законодательства нарастал как снежный ком. В этих условиях суды постепенно отказались от своей антагонистичной позиции в отношении законов и приняли законотворчество⁸ как легитимный способ создания права.

В этих условиях отчасти благодаря реалистам, но в большей степени - Паунду и Кардозо, а также таким судьям, как Л. Хэнд (Hand), в судебной среде и научной общественности к концу 1930-х годов стал формироваться консенсус о том, что законы должны толковаться с учетом идей справедливости и целей законодательного регулирования [5]. Хэнд в одном из своих судебных решений в 1945 г. писал: «Конечно же, это правда, что использованные в тексте слова, даже в своем буквальном смысле, является основным, и обычно наиболее надежным, источником толкования значения любого текста, будь это закон, контракт или что-либо еще. Но очевидным признаком зрелой и развитой правовой науки является отказ создавать крепость из словарей и

признание того факта, что законы имеют цели, ради которых они принимаются, творческое открытие которых является самым надежным методом определения их смысла» [4].

В общих чертах можно выделить следующие характерные черты современного подхода американских судов к толкованию законов.

1. Отказ от «судебного шаманизма» и прямой анализ политики права в сложных спорах о толковании законов, рассматриваемых в высших и апелляционных судах. Верховный суд США честно пытается балансировать различные интересы и ценности, подкрепляющие те или иные варианты толкования. Суды куда более озабочены содержательной рациональностью толкования законов, чем их коллеги на континенте или в Англии [6]. При решении сложного вопроса толкования Верховный суд достаточно прямо и свободно анализирует преимущества и недостатки разных вариантов толкования, используя диалогический стиль и не пытаясь выдать свое итоговое решение за абсолютно механически вытекающее из позитивного права. Суды в целом признают, что при толковании законов отсутствует какая-либо четкая иерархия методов толкования, и в принципе суд вправе выбирать тот вариант толкования, который он считает наиболее приемлемым. Суд не пытается скрывать ту степень свободы усмотрения, которую он реально использует при толковании законов.

2. При выборе приемлемого варианта толкования суд может принимать в расчет различные аргументы. Среди них - аргументы о буквальном смысле текста, о системной согласованности норм, об установленной воле законодателя, о целях самого закона, о прагматических последствиях того или иного толкования, о явно устаревшем характере закона, о применении укорененных принципов толкования, о доминирующих взглядах ученых, о согласованности с укорененными правовыми доктринами и концепциями, об устоявшемся в судебной практике варианте толкования соответствующей нормы и др. Роберт Саммерс (Summers), анализируя практику толкования законов американскими судами, выделяет 22 таких интерпретативных

аргумента. Де-факто суды пытаются лавировать между этими аргументами и балансировать различные ценности, стоящие за ними (верховенство права, разделение властей, прагматические последствия, права человека и т.п.). Так, суды по общему правилу предпочитают придавать нормам-буквальный смысл, но могут отступить от этой презумпции, если, например, будет доступна информация об иной воле исторического законодателя или очевидна иная объективная цель этой нормы, или буквальное применение нормы приводит к явно абсурдному или несправедливому результату. Такое отступление, как отмечает Саммерс, встречается не так часто, как буквальное применение нормы. Для отступления от буквального смысла конкурирующие аргументы должны быть очевидными и достаточно сильными. При этом, если аргумент о буквальном смысле указывает на тот вариант интерпретации, который одновременно поддерживается еще и аргументом о структурной согласованности этой нормы с иными нормами этого закона или иных законов, то суды будут отступать от буквального толкования еще менее охотно [6]. Но совсем другая картина возникает, если норма закона носит достаточно общий, неопределенный или неоднозначный характер. В такой ситуации аргумент о буквальном смысле выражен достаточно слабо, и поэтому напервый план выходят аргументы о системной согласованности, об объективных целях закона, о воле исторического законодателя, о наиболее справедливом варианте толкования и иные подобные доводы. Существует и масса других локальных презумпций, таких, например, как повышенная роль аргумента о буквальном смысле закона в уголовном праве.

3. В разные периоды Верховный суд США склонялся то к тому, чтобы придавать несколько больший вес аргументам о воле исторического законодателя (интенционалистский уклон), то к приоритетному учету объективно-телеологических соображений (прагматический уклон), то к большему вниманию к формальным аргументам о буквальном смысле и системной согласованности (формальный уклон).

Так, в частности, до 1980-х годов при толковании законов доминировал отчасти объективно-телеологический, а отчасти интенционалистский подход [6]. Классическим примером интенционалистского толкования является знаменитое решение по делу «Holy Trinity v. United States» (143 U.S. 457, 1892), в котором суд истолковал закон, вводящий ограничения на привлечение иностранной рабочей силы, как не распространяющийся на приглашение на работу зарубежного священника в одну из христианских церквей в силу того, что анализ законодательных материалов показал суду, что основная цель закона состояла в ограничении трудовой иммиграции низкооплачиваемых рабочих [7]. Классическими примерами объективно-телеологического подхода являлись многочисленные судебные решения Верховного суда США, принятые в эпоху председательства судьи Уоррена (Warren Court) в 1950 - 1960-е годы, в которых те или иные нормы Конституции США толковались исходя из современного понимания целей права (в первую очередь решения о неконституционности расовой сегрегации) [8]. В то же время, к концу 1980-х годов Верховный суд, в котором в период президентства Рональда Рейгана начали доминировать консервативно настроенные судьи, все чаще стал придерживаться более формальной методологии, стараясь без очевидной необходимости не отступать от буквального смысла или аргументов о системной согласованности текста закона.

Сейчас такой подход (так называемый новый текстуализм) стал очень влиятельным, а один из самых известных судей Верховного суда США Антонин Скалия (Scalia) является апологетом такого более сдержанного и формального метода толкования [9].

Как мы уже отмечали, мы не ставили здесь целей давать окончательные ответы на вопросы судебной методологии, а хотели лишь показать, к чему привели споры о судебном правотворчестве европейских и американских юристов в XX в.

Приведем в качестве итога нашего исследования те выводы, к которым пришло зарубежное право после столетия научных

споров о судебном правотворчестве.

1. Судебное правотворчество есть, так как его попросту невозможно избежать. И это предполагает необходимость корректировки понимания принципа разделения властей таким образом, что правотворческая функция была распылена между законодательной, исполнительной и судебной ветвями власти.

2. Неизбежность судебного правотворчества предопределяется наличием пробелов в законах и имманентной неопределенностью и многозначностью многих норм законодательства, а также невозможностью отказа в правосудии при отсутствии четкой позитивной нормы, применимой к спору.

3. Как при осуществлении пробельного правотворчества, так и при толковании норм закона суды учитывают и балансируют различные аргументы и интересы, среди которых важную роль играют как формально-догматические (буквальный смысл закона, сложившиеся научные доктрины, системная согласованность и т.п.), так и политико-правовые (справедливость, этичность, экономическая эффективность и т.п.) критерии.

4. Судебное правотворчество как при заполнении пробелов, так и при толковании законов имеет значительную специфику в силу того, что осуществляется *ad hoc* и *ex post*. Создаваемая судом норма или выбранный способ интерпретации нормы закона применяются ретроспективно к рассматриваемому спору, но не носят абсолютно обязательного характера в отношении последующих споров.

5. В обеих правовых системах суд в определенной степени может не следовать практике высших судов. В Европе, где официально принцип *stare decisis* не признается, это сделать несколько проще, чем в США, но де-факто распространенность таких случаев нарушения субординации в Европе, возможно, не сильно превышает число тех случаев, когда американские суды обновляют прецедентное право или путем отличия создают исключения из действующих прецедентов.

6. Соответственно, если под правом понимать только то, что носит абсолютно обязательный характер, нормативность практики высших судов носит характер не правовой обязательности, а скорее социологической закономерности. Суды могут теоретически не последовать указаниям этого источника, хотя на практике и делают это крайне редко. А это, в свою очередь, заставляет граждан подстраивать свое реальное поведение под сложившуюся практику, так же как они подстраивают его под нормы законов.

7. Несмотря на отсутствие абсолютной обязательности судебной практики, мы продолжаем говорить о судебном правотворчестве, то есть о создании правовых норм судами, связано в том числе с отсутствием различий в восприятии традиционных источников права и сложившейся судебной практики со стороны участников оборота. Все дело в том, что простым гражданам, пытающимся понять то, что требует от них право, в принципе, по большому счету, безразличны различия в природе нормативности законов или судебной практики. Их интересует, что будет с их делом в суде. Им нужно предсказание наиболее вероятного исхода. Это предсказание может основываться на том, что имеется такая-то норма закона, которая обязывает судей разрешить спор определенным образом. Но оно примерно с той же степенью вероятности может быть основано и на том, что есть такая-то практика высшего суда, которой суды хотя и не обязаны формально, но де-факто

почти всегда следуют, и эта практика решает соответствующий вопрос таким-то образом. В обоих случаях участник оборота получает то, что ему требуется, - максимально точное предсказание реакции государственных органов. В этом два указанных- выше вида нормативности сходятся или сближаются настолько, что в принципе допустимо говорить о правотворчестве в обоих случаях.

8. Но главная причина того, что юристы все чаще используют термин «правотворчество» применительно как к законотворчеству, так и к творческому развитию права в судебной практике, состоит в том, что и сами нормы закона в определенной степени перестают рассматриваться как абсолютно обязательные, что стирает различия в природе нормативности двух этих источников. Научные споры, развернувшиеся в XX в., и реальная судебная практика показали ту крайне высокую степень свободы, с которой суды могут сужать или расширять, модифицировать, а иногда и даже прямо игнорировать смысл, вытекающий из законодательных норм. Не превращает ли это и сами законодательные нормы в своего рода презумпции? Возможно, носящие значительно более весомый характер, чем судебная практика высших судов, но все же презумпции? Здесь не место анализировать современную теорию презумптивного позитивизма, которую сейчас в США развивает, в частности, Ф. Шауэр [3]. Но очевидно, что вопрос о судебном правотворчестве далеко не закрыт и в связи с ним ученые решают еще немало проблем.

Список литературы:

- [1] Саммерс Р.С. *Прецедент в Соединенных Штатах (штат Нью-Йорк) // Толкование прецедентов: сравнительное исследование / Под ред. Д.Н. Маккормика и Р.С. Саммерса. 1997. 598 с.*
- [2] Шауэр Ф. *Формализм // Йельский юридический журнал, 97. 1987–1988. С. 509–548.*
- [3] Хергет Дж., Уоллес С. *Немецкое движение за свободное право как источник американского правового реализма // Юридический обзор Вирджинии, 73. 1987. С. 399–455.*
- [4] Попкин У.Д. *Статуты в суде. История и теория толкования законов. 1999. 340 с.*
- [5] Харт Х.М., Сакс А.М. *Юридический процесс: основные проблемы создания и применения права. 1994. 1387 с.*
- [6] Саммерс Р.С. *Толкование статуты в США // Толкование статуты: сравнительное исследование / Под ред. Д.Н. Маккормика и Р.С. Саммерса. 2002. 576 с.*
- [7] Попкин У.Д. *Статуты в суде. История и теория толкования статуты. 1999. 340*

с.

[8] Даксбери Н. Модели американской юриспруденции. 1997. 520 с.

[9] Скалиа А. Вопрос толкования. Федеральные суды и право. 1998. 176 с.

References:

[1] Summers R.S. *Precedent in the United States (New York State) // Interpreting Precedents: A Comparative Study* / Ed. by D.N. MacCormick and R.S. Summers. 1997. 598 p.

[2] Schauer F. *Formalism* // 97 *Yale Law Journal*. 1987 - 1988. P. 509-548.

[3] Herget J., Wallace S. *The German Free Law Movement as the Source of American Legal Realism* // 73 *Virginia Law Review*. 1987. P. 399-455.

[4] Popkin W.D. *Statutes in Court. The History and Theory of Statutory Interpretation*. 1999. 340 p.

[5] Hart H.M., Sacks A.M. *The Legal Process: Basic Problems in the Making and Application of Law*. 1994. 1387 p.

[6] Summers R.S. *Statutory Interpretation in the United States // Interpreting Statutes: A Comparative Study* / Ed. by D.N. MacCormick and R.S. Summers. 2002. 576 p.

[7] Popkin W.D. *Statutes in Court. The History and Theory of Statutory Interpretation*. 1999. 340 p.

[8] Duxbury N. *Patterns of American Jurisprudence*. 1997. 520 p.

[9] Scalia A. *A Matter of Interpretation. Federal Courts and the Law*. 1998. 176 p.

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.07.2025 г.

КАЛЛАГОВ Таймураз Эльбрусович,

кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета ФГБОУ ВПО ГТАУ,

e-mail: mail@law-books.ru

КАДРОВЫЙ РЕЗЕРВ НА МУНИЦИПАЛЬНОЙ СЛУЖБЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Недостаточная эффективность кадровой политики в сфере государственной службы – одна из основных проблем государственной службы, требующая разрешения. Государству и российскому обществу в целом остро требуются высококвалифицированные, государственно мыслящие, нравственно чистые кадры, способные в сложный пореформенный период повести за собой весь российский народ. Решение экономических, социальных и иных задач как на государственном уровне, так и на уровне местного самоуправления невозможно без проведения кадровой политики, формирования кадровой стратегии государственных органов, работы по управлению персоналом.

Ключевые слова: государственная служба, муниципальное право, служебные отношения, закон, государственный гражданский служащий, права человека.

KALLAGOV Taymuraz Elbrusovich,

Candidate of Law Sciences, associate professor, dean of law department FGBOU VPO GGAU

THE PERSONNEL RESERVE ON MUNICIPAL SERVICE IN RUSSIA

Annotation. Insufficient efficiency of personnel policy in the sphere of public service – one of the main problems of public service requiring permission. In general sharply it are required to the state and the Russian society highly qualified, state conceiving, it is moral the pure frames capable during the difficult post-reform period to lead all Russian people. The decision of economic, social and other tasks both at the state level, and at the level of local government is impossible without carrying out personnel policy, formation of personnel strategy of public authorities, operation on human resource management.

Key words: public service, municipal right, official relations, law, public civil servant, human rights.

Кадровая политика – важное, приоритетное направление деятельности государства, учреждения, организации по проведению мероприятий, направленных на формирование кадрового состава и совершенствование трудового потенциала. Кадровая политика государственной службы представляет собой деятельность государственных органов, их руководителей, а также структурных подразделений по вопросам государственной службы и кадров, направленную на подбор, подготовку, повышение квалификации,

профессиональный рост государственных служащих, обеспечивающую качественное выполнение ими полномочий органов государственной власти. Неправильный подбор кадров ведет к значительным издержкам, пустой растрате образования и опыта работы, высокой текучести.

Призванием государственной службы как организационного института является создание более прочных стимулов к труду, чем это принято в обычном государственном аппарате. Его эффективность выше там, где система стимулов учитывает мотивы,

ценностные ориентации работников, где организуются специальные исследования – опросы, тестирование и др. Основными при поступлении на государственную службу являются ориентации на характер работы, условия труда, вознаграждение, на карьеру. При этом один из мотивов бывает доминирующим, и это все чаще учитывается при индивидуализации стимулирования начиная с планирования карьеры. Заслуживает внимания опыт ряда зарубежных стран, где основным принципом, определяющим общий уровень оплаты труда государственных служащих, является соответствие такой оплаты вознаграждению за эквивалентный труд в частном секторе.

Весьма важным направлением организации государственной службы является регулирование правил поведения работников государственного аппарата. Главными среди них становятся строгое выполнение решений вышестоящих органов и должностных лиц, принятых в рамках их компетенции, обеспечение задач в соответствии с должностными инструкциями, а также моральные нормы – честность, порядочность, неподкупность, верность долгу и Отечеству, последовательное осуществление миссии представителя государства, проводника его идей. Таким образом, государственная служба является организационным институтом, который упорядочивает государственный аппарат, направляет его на выполнение общегосударственных задач.

Строгое следование в повседневной правоприменительной деятельности требованиям Конституции Российской Федерации, федеральных законов и иных нормативных правовых актов характеризует не только профессионализм гражданского служащего, но всю совокупность его деловых и личностных качеств. Поэтому при аттестации и проведении конкурсного замещения должностей, формировании кадрового резерва выдвижения и т.п. выполнение данного требования выступает важнейшим критерием оценки эффективности деятельности конкретного гражданского служащего. Требование соблюдать конституцию и иные нормативные акты Российской Федерации

и ее субъектов сопряжено с предписаниями исполнять должностные обязанности в соответствии с должностным регламентом, а также поручения руководителей, данные в пределах их компетенций. Должностной регламент включает три группы требований в каждой из категорий и групп должностей гражданской службы:

- 1) к уровню профессионального образования;
- 2) к стажу гражданской службы или стажу работы по специальности;
- 3) к профессиональным знаниям и навыкам, необходимым для исполнения должностных обязанностей.

Результаты исполнения гражданскими служащими требований должностного регламента учитываются при оценке его профессиональной служебной деятельности в рамках процедур аттестации, квалификационного экзамена, включения в кадровый резерв или поощрения гражданского служащего; конечно, они учитываются и при проведении конкурса на замещение вакантных должностей гражданской службы.

Под исполнением должностных обязанностей, предусмотренных Федеральным законом о государственной гражданской службе, понимается исполнение в течение служебного времени гражданским служащим своих должностных обязанностей в соответствии со служебным распорядком органа или с графиком службы, условиями служебного контракта, а также их исполнение в иные периоды, которые действующим законодательством отнесены к служебному времени. К исполнению служебных обязанностей законодательством отнесены также действия по защите государственных интересов от преступных посягательств, пребывание, следование к местам служебной командировки или прохождения лечения и др.

Вместе с тем, не является исполнением служебных обязанностей нахождение гражданских служащих на отдыхе, в отпуске, нахождение на государственной службе в периоды отстранения от замещаемой должности до принятия решения о досрочном расторжении служебного контракта,

урегулирования конфликта интересов и т.д. При возложении на гражданского служащего обязанности исполнять поручения руководителей от него требуется исполнение не любых, а лишь правомочных поручений, данных в пределах их компетенции.

Для реализации кадровой политики, а также для управления карьерой гражданских служащих осуществляется кадровое планирование – система мероприятий, обеспечивающих государственный орган кадровым составом госслужащих, способным выполнить стоящие задачи высокой сложности как текущие, так и перспективные. Основной задачей кадрового планирования является обеспечение госорганов необходимым числом квалифицированных служащих с минимальными затратами при отборе и решении вопросов профессионального развития. Кадровый состав подбирается с необходимой качественной оценкой, с учетом достоинств и недостатков госслужащих, чтобы недостатки одних нейтрализовались достоинствами других, а достоинства взаимно усиливались. Иначе может появиться, с одной стороны, кадровая избыточность, а с другой – недостаток нужных специалистов государственной службы.

Цель формирования резерва – обеспечить повышение эффективности деятельности муниципальных служащих за счет улучшения качества резерва их кадрового состава. Работа по формированию резерва кадров обеспечивает:

- своевременное удовлетворение дополнительной потребности в кадрах муниципальных служащих всех категорий в соответствии с утвержденным реестром муниципальных должностей;
- качественный подбор и целенаправленную подготовку кандидатов на выдвижение в резерв проверки готовности муниципального служащего,
- зачисленного в резерв, к исполнению обязанностей по муниципальной должности, планируемой к замещению;
- сокращение периода адаптации муниципальных служащих, вновь назначенных на более высокие муниципальные должности;

- повышение профессионализма и улучшение качественного состава квалификационной структуры кадров муниципальных служащих.

И.А. Ильин отмечал: «Вести свой народ есть не привилегия, а обязанность лучших людей страны» [1].

Работа по формированию и подготовке резерва кадров муниципальных служащих строится в соответствии с Федеральным законом № 25 от 2 марта 2007 г. «О муниципальной службе в Российской Федерации», законами субъектов Российской Федерации о муниципальной службе и другими нормативными правовыми актами, не противоречащими действующему законодательству. Резерв кадров муниципальных служащих представляет собой специально скомплектованную группу муниципальных служащих с потенциальными возможностями для продвижения по службе, а также для руководящей деятельности, которые при определенной дополнительной подготовке будут отвечать квалификационным требованиям соответствующих муниципальных должностей. Резерв создается с целью обеспечения стабильности всех звеньев муниципальной службы, высокой эффективности исполнения муниципальных должностей, стимулом повышения профессионализма и деловой активности муниципальных служащих. Работа с резервом кадров проводится в соответствии с годовыми планами работы, увязанными с соответствующими программами развития муниципальной службы.

Организацию работы с резервом осуществляют руководитель органа местного самоуправления и кадровая служба органа местного самоуправления при непосредственном участии руководителей структурных подразделений. Для повышения качества резерва могут привлекаться научные организации, консультанты, советники, эксперты, другие специалисты в области экономики, педагогики, социологии, психологии, юриспруденции и др. Резерв формируется по группам муниципальных должностей, для замещения которых он создается. Резерв кандидатов для выдвижения

на муниципальные должности состоит из:

1) резерва на должности номенклатуры руководителя органа местного самоуправления;

2) резерва на должности номенклатуры руководителя структурного подразделения органа местного самоуправления.

Перечень муниципальных должностей, входящих в номенклатуру руководителя органа местного самоуправления и руководителя структурного подразделения органа местного самоуправления, для замещения которых создается резерв, определяется нормативными правовыми актами органов местного самоуправления в соответствии с реестром муниципальных должностей муниципальной службы, утверждаемым законом субъекта Российской Федерации.

Принципы подбора муниципальных служащих в резерв кадров:

1) отбор муниципальных служащих для зачисления в резерв основан на всесторонней оценке результатов их служебной деятельности. Итогом этой работы является выявление муниципальных служащих, способных к замещению муниципальных должностей более высокой группы;

2) в практической работе при отборе муниципальных служащих в резерв кадров учитываются уровень профессиональной компетенции, стаж и опыт работы в области муниципального управления, возраст, состояние здоровья муниципального служащего, его моральные качества, авторитет, умение работать с людьми, знание основ юриспруденции, владение компьютерной и другой организационной техникой.

Требования к кандидатам в состав резерва кадров муниципальных служащих не являются исчерпывающими и предполагают необходимость индивидуального подхода к оценке их знаний, умений и личных качеств. Уровень предъявляемых требований зависит от характера и уровня предстоящей работы. Выявленные в процессе изучения кандидата недостаточно развитые положительные черты характера, способности, знания и навыки учитываются для того, чтобы в процессе дальнейшей работы с резервом и его

подготовки развивать их и совершенствовать до необходимого уровня [2].

Методы подбора руководящих кадров. Не каждому человеку удастся стать хорошим руководителем. Для этого, кроме образования и желания, нужно обладать определенными способностями, иметь призвание. Это верно по отношению к управлению любой сферой, особенно в органах государственной власти и муниципального управления. Здесь в работе с персоналом, общении с населением, подготовке и принятии решений, организации их выполнения необходимо проявлять высокое мастерство, терпение, ум, чувство ответственности и другие личностные качества. Цена просчетов и ошибок, проступков и злоупотреблений властью исключительно высока. Они оборачиваются экономическим ущербом, политическими потрясениями, человеческими трагедиями и жертвами, многими другими негативными социальными последствиями. Примеров этому в современной России немало. От руководителей органов местного самоуправления, их подразделений во многом зависит продуктивность работы сотрудников, формирование сплоченной команды. Управляемость персонала – это исполнительность, умноженная на его самостоятельность и творчество. Такой стиль задает и поддерживает руководитель. Руководитель за все в ответе, на него равняются, ему подражают [3].

В современной России в условиях реформ значение подбора руководителей неуклонно возрастает. Кадровое планирование обеспечивает совершенствование процесса поступления на государственную службу, организацию эффективного использования кадрового состава, повышение его квалификации, переподготовки и стажировки, а также управление карьерой госслужащих. Оно осуществляется как в интересах государственной службы в целом, так и в интересах каждого госслужащего.

Кроме того, законодатель устанавливает, что в случае исполнения подчиненным неправомерного поручения руководителя оба – и гражданский служащий, и давший поручение руководитель –

несут ответственность в соответствии с действующим законодательством. Выход за пределы предоставленных полномочий означает, что государственный гражданский служащий исполняет свои обязанности недобросовестно. Поэтому в зависимости от тяжести причиненного вреда порядку управления в одном случае самовольное, вопреки установленным правилам осуществления своего действительного или предполагаемого права, квалифицируется как административно-правовое самоуправство, а в другом, если такими действиями причинен существенный вред и их правомерность оспаривается организацией или гражданином, они образуют состав уголовно-правового самоуправства [4].

Выход за пределы своей компетенции и использование должностным лицом своих полномочий вопреки интересам службы, если эти действия совершены из корыстной или иной личной заинтересованности и повлекли за собой существенные нарушения прав и законных интересов граждан, организаций либо охраняемым законом интересам общества и государства, квалифицируются как злоупотребление должностными полномочиями и образуют состав более тяжкого преступления против государственной власти и интересов государственной службы. В тех случаях, когда должностное лицо совершает действие, явно выходящее за пределы его полномочий и повлекшее за собой существенное нарушение прав и охраняемых законом интересов граждан, организаций, общества или государства, но не обнаруживает корыстной или иной личной заинтересованности, – такие действия образуют состав уголовно-правового превышения должностных полномочий. Если признак причинения существенного вреда отсутствует, то превышение должностных полномочий квалифицируется как дисциплинарный проступок, за который могут быть наложены дисциплинарные взыскания от замечания до освобождения от замещаемой должности и увольнения с гражданской службы [2].

В период прохождения государственной службы гражданский служащий наделяется

рядом прав, которые являются неотъемлемой частью его служебной деятельности. В соответствии с законом о государственной гражданской службе служебный контракт приостанавливается по обстоятельствам, не зависящим от воли сторон, с освобождением гражданского служащего от замещаемой должности гражданской службы, оставлением его в соответствующем реестре гражданских служащих и включением в кадровый резерв:

1. В связи с призывом гражданского служащего на военную службу или направлением на заменяющую ее альтернативную гражданскую службу. Призыв на военную службу или направление гражданского служащего на заменяющую альтернативную гражданскую службу осуществляется в соответствии с Федеральным законом «О воинской обязанности и военной службе». Служебный контракт в данном случае приостанавливается на основании повестки военкомата, представляемой гражданским служащим.

2. В связи с восстановлением на службе гражданского служащего, ранее замещавшего данную должность. Следует иметь в виду, что при решении данного вопроса необходимо обязательное решение суда о восстановлении на работе ранее уволенного гражданского служащего.

3. В связи с избранием или назначением гражданского служащего на выборную должность в государственный орган, избранием его на выборную должность в орган местного самоуправления либо избранием его на оплачиваемую выборную должность в органе профессионального союза, в том числе в выборном органе первичной профсоюзной организации, созданной в государственном органе. Юридическим фактом приостановления отношений гражданских служащих в сфере труда в этом случае является акт избрания на соответствующую должность [3].

4. В связи с наступлением чрезвычайных обстоятельств, препятствующих продолжению отношений, связанных с гражданской службой (военных действий, катастрофы, стихийных бедствий, эпидемии и др.), если данное обстоятельство признано

чрезвычайным Решением Президента Российской Федерации или органом государственной власти соответствующего субъекта Российской Федерации.

Чрезвычайные обстоятельства, наступление которых может вызвать приостановление служебного контракта, перечислены в указанной норме в «открытом» перечне. Это означает, что стороны служебного контракта не вправе самостоятельно оценивать юридическое значение указанных обстоятельств для приостановления служебного контракта.

Служебный контракт приостанавливается и в иных случаях, связанных с исполнением государственных обязанностей, установленных федеральным законом. Так, например, служебный контракт прекращается, а гражданский служащий освобождается от замещаемой должности гражданской службы в связи с:

1. Осуждением гражданского служащего к наказанию, исключающему возможность замещения должности гражданской службы, по приговору суда, вступившего в законную силу. Таким наказанием может быть лишение свободы либо запрет занимать определенные должности. Если к гражданскому служащему были применены иные меры уголовного наказания (например, уголовное осуждение), не исключающие возможность продолжения гражданской службы, его увольнение будет считаться незаконным.

2. Признанием гражданского служащего полностью нетрудоспособным в соответствии с медицинским заключением. Нужно сказать, что по общему правилу нетрудоспособность гражданского служащего не является основанием для прекращения служебного контракта, однако если налицо полная утрата трудоспособности, то служебный контракт с гражданским служащим может быть расторгнут. Факт утраты трудоспособности должен быть установлен медицинским заключением, сделанным специализированным медицинским учреждением, наделенным соответствующей компетенцией (учреждениями медико-социальной экспертизы).

3. Признанием гражданского служащего недееспособным или ограниченно дееспособным, установленным решением суда, вступившего в законную силу.

4. Достижением гражданским служащим предельного возраста пребывания на гражданской службе – 65 лет. Это связано, прежде всего, с особенностями служебных обязанностей, ответственностью и другими факторами, относящимися к государственной гражданской службе. Трудовое законодательство Российской Федерации стоит на принципе жесткого и исчерпывающего перечня возможных оснований прекращения трудового договора. Все основания прекращения трудового договора устанавливаются Трудовым кодексом РФ. Вместе с тем перечень оснований прекращения трудового договора, предусмотренный в ст. 77 Кодекса, не является исчерпывающим. И Трудовым кодексом РФ, и иными федеральными законами могут быть предусмотрены другие основания. Однако все они могут быть определены только на уровне федеральных законов. Это означает, что ни законы субъектов Российской Федерации, ни подзаконные акты не могут дополнять указанный перечень.

Каждое основание прекращения трудового договора имеет свои особенности. Все основания, предусмотренные ст. 77 Трудового кодекса РФ, по различным критериям можно разделить на три группы:

- волеизъявление одной из сторон или обоюдное волеизъявление;
- случаи, когда трудовые отношения невозможно сохранить по определенным обстоятельствам;
- случаи, когда трудовые отношения прекращаются по основаниям, не зависящим от воли сторон трудового договора.

Все эти основания, на наш взгляд, в полной мере применимы и к гражданским служащим. Многообразие социальной практики порождает многообразие субъектов управления. В масштабах общества функциями субъекта социального управления наделяется государство как социальный институт, обладающий властью

упорядочения общественных отношений, обеспечения целостности общества развития и безопасного существования человека. В зависимости от того, каковы господствующие социально-экономические отношения, каковы тип и форма государства, какие функции ему делегирует общество, оно способно обеспечить условия для свободного развития и реализации человеком своих способностей. В таком случае правомерно говорить о государственной кадровой политике [3].

Она зависит от политического режима в государстве – демократического или тоталитарного – и от формы государственного устройства – унитарного или федеративного. Однако независимо от этого предметом деятельности государства как субъекта кадровой политики являются наиболее общие, стратегические направления, которые необходимо разрабатывать, концентрируя на них ресурсы, формировать и создавать условия для реализации профессиональной трудоспособности граждан [4].

В федеративном государстве государственная кадровая политика включает в себя и региональную государственную кадровую политику. На их основе формируется кадровая политика в муниципальных образованиях. В таком случае правомерно говорить о том, что субъектами кадровой политики, например, в регионах России являются органы государственной власти и органы местного самоуправления субъектов Российской Федерации. Субъектами кадровой политики, кроме того, выступают различные органы государства, например министерства, ведомства как институты государства. Их объектом являются кадры государственной и муниципальной службы.

В настоящее время многие министерства и ведомства имеют разработанные документы, где представлены основные положения проводимой ими кадровой политики. Такие документы носят, как правило, наиболее общий, научно обоснованный, декларативный характер, согласующийся со стратегическими целями развития государства. Они имеют свою структуру и называются концепциями кадровой политики. Основополагающие подходы государства как субъекта, обеспечивающего целостность общества, по отношению к кадровому потенциалу находят отражение в концепции государственной кадровой политики в Российской Федерации [4].

Субъектами кадровой политики могут выступать и политические партии. Они создаются для того, чтобы выражать и отстаивать интересы тех или иных социальных слоев общества и быть способными их реализовать в случае прихода к власти в государстве. Поэтому политические партии разрабатывают свою кадровую стратегию, которую следует рассматривать как кадровую политику партии. Субъектами кадровой политики могут быть и крупные общественные объединения, религиозные организации, предприятия и организации. В управлении персоналом государственной службы, прежде всего, важно помнить цели и приоритеты кадрового обеспечения. При этом необходимо учесть стратегию и принципы формирования и развития системы государственной службы Российской Федерации как единой и целостной общегосударственной системы в рамках единой государственной кадровой политики Российской Федерации.

Список литературы:

- [1] Ильин И.А. *О грядущей России: избранные статьи* / Под ред. Н.П. Полторацкого. М.: Воениздат, 1993. 368 с.
- [2] Лихачев А.С. *Изменение конституционной модели местного самоуправления: тридцатилетний опыт* // *Право и государственность*. 2024. № 1 (2). С. 39–43.
- [3] Маликов Б.З. *Религиозные нормы: их сущность, характер и значение в системе социальных отношений* // *Право и государственность*. 2024. № 3 (4). С. 21–34.
- [4] Кожевников О.А. *Государственно-общественные и общественно-государственные объединения и право на объединение: некоторые размышления* // *Право и государствен-*

ность. 2024. № 2 (3). С. 20–25.

References:

[1] Ilyin I.A. *On the Coming Russia: Selected Articles* / Ed. by N.P. Poltoratsky. Moscow: Voenizdat, 1993. 368 p.

[2] Likhachev A.S. *Changing the Constitutional Model of Local Self-Government: Thirty-Year Experience* // *Law and Statehood*. 2024. № 1 (2). Pp. 39–43.

[3] Malikov B.Z. *Religious Norms: Their Essence, Character, and Significance in the System of Social Relations* // *Law and Statehood*. 2024. № 3 (4). Pp. 21–34.

[4] Kozhevnikov O.A. *State-Public and Public-State Associations and the Right to Association: Some Reflections* // *Law and Statehood*. 2024. № 2 (3). Pp. 20–25.

ПРАВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.07.2025 г.

ГРУДЦЫНА Людмила Юрьевна,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и международного права ВГУЮ (РПА Минюста России), Председатель Московской городской коллегии адвокатов «Норма права», Почетный адвокат России, арбитр Арбитражного центра при РСПП, эксперт РАН,
e-mail: ludmilagr@mail.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРАВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА ОБЪЕКТЫ В ОБЛАСТИ СПОРТА

Аннотация. В сфере спорта категорию исключительных прав могут представлять авторские права на произведения исполнительского творчества в спорте, права на новые технологии, научные открытия, изобретения, полезные модели, промышленные образцы, рационализаторские предложения в данной сфере, права на наименование спортивной организации. Автор статьи делает вывод о том, что проблема нарушения авторских достаточно актуальна в современном мире, где высоко развиты технологии распространения данных. Одним из ее решений является ужесточение наказаний, например, увеличение размеров штрафов и компенсаций до размера, четырехкратно превышающего упущенную владельцами выгоду.

Ключевые слова: авторское право, права интеллектуальной собственности, защита авторских прав, исключительные права, гражданский кодекс.

GRUDTSINA Ludmila Yurievna,

doctor of law, professor, professor of the Department of constitutional and international law at the All-Russian State University of Law (RPA of the Ministry of Justice of the Russian Federation), chairman of the Moscow City Bar Association "Norm of Law", Honorary lawyer of Russia, arbitrator of the Arbitration center at the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs, expert of the Russian Academy of Sciences

LEGAL REGULATION OF INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS TO OBJECTS IN THE FIELD OF SPORTS

Annotation. In the field of sports, the category of exclusive rights can be represented by copyright for works of performing art in sports, rights to new technologies, scientific discoveries, inventions, utility models, industrial designs, rationalization proposals in this area, rights to the name of a sports organization. The author of the article concludes that the problem of copyright infringement is quite relevant in the modern world, where data dissemination technologies are highly developed. One of its solutions is to tighten punishments, for example, increasing the size of fines and compensation to the size of four times the lost profits of owners.

Key words: copyright, intellectual property rights, copyright protection, exclusive rights, civil code.

Проблема нарушения авторских решений является ужесточение наказаний, достаточно актуальна в современном например, увеличение размеров штрафов мире, где высоко развиты технологии и компенсаций до размера, четырехкратно распространения данных. Одним из ее превышающего упущенную владельцами

выгоду. Другим возможным решением может быть привлечение к ответственности владельцев торрент-трекеров. На них может быть возложена обязанность контролировать данные, передаваемые пользователями [1].

Следующим действием со стороны государства может стать сокращение срока действия авторских прав, чтобы уравнивать права правообладателей и желающих использовать их интеллектуальную собственность. Представляется, что ныне установленные сроки (авторское право действует в течение всей жизни автора и 70 лет после его смерти) слишком велики. Следует сократить право исключительной собственности автора произведения до 1 года, а после его истечения перевести в пожизненное, ограниченное возможностями, владение (только право авторства), при этом разрешая другим по истечении вышеуказанного срока законно пользоваться этой продукцией [2].

В сфере спорта категорию исключительных прав могут представлять авторские права на произведения исполнительского творчества в спорте, права на новые технологии, научные открытия, изобретения, полезные модели, промышленные образцы, рационализаторские предложения в данной сфере, права на наименование спортивной организации (например, Олимпийский комитет России, Паралимпийский комитет России), на наименование спортивной команды (например, Олимпийская команда России, Паралимпийская команда России), на наименование физкультурного или спортивного мероприятия, на спортивную, олимпийскую и паралимпийскую символику, соответствующие товарные знаки и знаки обслуживания, смежные с авторскими права на освещение в средствах массовой информации физкультурных мероприятий или спортивных мероприятий (включая радио- и телевизионные права на физкультурные и спортивные мероприятия).

Объектом интеллектуальной собственности является спортивное выступление. Однако не все выступления подлежат охране, а лишь те, которые соответствуют основным критериям: в

них должна четко выражаться творческая составляющая, а само выступление является результатом деятельности спортсмена или тренера, сценарий которого прописывается заранее. Не во всех видах спорта выступления характеризуются данными признаками, поэтому под охрану попадают лишь выступления эстетико-творческих видов спорта: фигурное катание, художественная гимнастика, синхронное плавание. Их особенность состоит в том, что на соревнованиях оценивается не только техническое мастерство, но и художественное впечатление. Такие виды спорта граничат с искусством и обладают творческой составляющей, именно поэтому выступления этих видов спорта находятся под охраной.

Согласно подпункту 4 пункта 6 статьи 1259 ГК РФ не подлежат охране авторским правом сообщения о событиях и фактах, имеющие исключительно информационный характер (сообщения о новостях дня, программы телепередач, расписания движения транспортных средств и тому подобное). Одни специалисты относят к данным объектам и трансляции спортивных мероприятий. Другие считают, что в работе съемочной группы прослеживается творческий замысел. Нам близка вторая точка зрения, так как каждый информационный канал по-разному преподносит одну информацию, а значит, использует индивидуальные средства и методы изготовления трансляции, а именно ракурс, корреспондентов, комментарии и сценарии. Следовательно, трансляции спортивных мероприятий должны относиться к объектам авторских прав [3].

Можно утверждать, что любая интеллектуальная собственность имеет свою стоимость, исчисляемую в «человеко-часах», проведенных автором за работой над данной собственностью, будь то работа писателя (книга) или программиста (программа или база данных). Таким образом, нарушением авторского права будет считаться использование данной интеллектуальной собственности без личного разрешения правообладателя [4].

В настоящее время в сети Интернет активно ведутся обсуждения запрета

деятельности торрент-трекеров, с помощью которых огромное количество Интернет-пользователей скачивают множество файлов (фильмы, книги, игры, музыка и так далее), пренебрегая правами владельцев. Что же такое торренты и как они устроены? Торрент (BitTorrent) представляет собой пиринговый (P2P) протокол для кооперативного обмена файлами через Интернет. Пиринговый - означает, что участники данной сети обладают равноправием, то есть могут являться как клиентами, так и серверами сети. Файлы передаются фрагментами, при этом клиент одновременно и загружает, и раздает файлы другим пользователям. Алгоритм работы данного протокола впервые описал Брэм Коэн 4 апреля 2001 года. Запуск первой версии torrent-клиент «BitTorrent» был произведен 2 июля того же года. На данный момент существует множество программ, предназначенных для обмена файлами по этому протоколу). С тех пор технология торрента стала популярна во всем мире из-за низкой нагрузки на сеть и высокой скорости передачи данных. Под торрентами стоит понимать как всю данную технологию обмена файлами, так и протокол, по которому они передаются [5].

Имеется целый ряд проблем по защите авторских прав.

1. Пробелы в российском законодательстве. Владельцы трекера не несут ответственность за загружаемый пользователями контент.

2. Латентность. Она обусловлена тем, что выявить сам факт нарушения авторских прав затруднительно.

3. Несоблюдение баланса между участниками правоотношений. Государство в союзе с правообладателями старается сократить несогласованное с владельцами использование интеллектуальной собственности.

4. Отсутствие контроля за деятельностью правонарушителей. Государство не отслеживает действия пользователей торрент-трекеров.

5. Правовая неграмотность. Большинство людей, которые пользуются торрентами, даже не подозревают о том, что при скачивании файлов нарушают права владельца.

Всё вышеперечисленное напрямую относится к проблемам в российском гражданском законодательстве. В судебной практике имеются дела, связанные с нарушением авторских прав при использовании торрентов.

Список литературы:

[1] Хаддур З.А. Искусственный интеллект и права человека: юридическая и этическая ответственность за ущерб, причиненный технологиями искусственного интеллекта // *Право и управление*. 2023. № 3. С. 22-23.

[2] Янишевская Я.А. Спортивные выступления как объекты исключительных прав // *Право и управление*. 2023. № 4. С. 91.

[3] Самойлова А.А. Разрешение спортивных споров юрисдикционными органами спортивных организаций: теория и практика // *Право и управление*. 2023. № 4. С. 95.

[4] Хаддур З.А. Искусственный интеллект и права человека: юридическая и этическая ответственность за ущерб, причиненный технологиями искусственного интеллекта // *Право и управление*. 2023. № 3. С. 23.

[5] Ростокинский А.В., Данелян М.С. Уголовно-правовая охрана права интеллектуальной собственности при обращении фальсифицированных и незарегистрированных лекарственных средств и медицинских изделий в эпоху цифровизации // *Право и управление*. 2023. № 1. С. 142.

References:

[1] Khaddur Z.A. Artificial Intelligence and Human Rights: Legal and Ethical Liability for Damage Caused by Artificial Intelligence Technologies // *Law and Management*. 2023. No. 3. P. 22-23.

[2] Yanishevskaya Ya.A. Sports Performances as Objects of Exclusive Rights // *Law and*

Management. 2023. No. 4. P. 91.

[3] Samoilova A.A. Resolution of Sports Disputes by Jurisdictional Bodies of Sports Organizations: Theory and Practice // Law and Management. 2023. No. 4. P. 95.

[4] Khaddur Z.A. Artificial Intelligence and Human Rights: Legal and Ethical Liability for Damage Caused by Artificial Intelligence Technologies // Law and Management. 2023. No. 3. P. 23.

[5] Rostokinsky A.V., Danelyan M.S. Criminal-legal protection of intellectual property rights in the circulation of counterfeit and unregistered medicines and medical devices in the era of digitalization // Law and Management. 2023. No. 1. P. 142.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.07.2025 г.

ЛУТОВИНОВА Наталья Викторовна,
старший преподаватель, Юридический факультет, Российский государственный
социальный университет,
e-mail: Nlutovinova@mail.ru

К ВОПРОСУ О ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ДОГОВОРА ДОВЕРИТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫМИ ПРАВАМИ

Аннотация. В настоящей статье договор доверительного управления исключительными правами анализируется с точки зрения его места и роли во всей системе гражданско-правовых обязательств, благодаря чему выявляются некоторые практические проблемы его применения и предлагается некоторые пути решения этой проблемы. В рамках настоящей статьи автором рассматривается договор доверительного управления исключительными правами в системе гражданско-правовых обязательств в Российской Федерации.

Ключевые слова: договор доверительного управления, исключительные права, гражданское право, доверительный управляющий.

LUTOVINOVA Natalya Viktorovna,
Senior lecturer, Faculty of Law, Russian State Social University

ON THE ISSUE OF CIVIL REGULATION OF THE CONTRACT OF TRUST MANAGEMENT OF EXCLUSIVE RIGHTS

Annotation. In this article, the contract of trust for exclusive rights is analyzed in terms of its place and role in the entire system of civil obligations, thanks to which some practical problems of its application are identified and some ways to solve this problem are proposed. Within the framework of this article, the author considers the contract of trust management of exclusive rights in the system of civil obligations in the Russian Federation.

Key words: trust agreement, exclusive rights, civil law, trustee.

Одним из отраженных доверительного управления в отношении в законодательстве договоров, результатов интеллектуальной деятельности, предусматривающих процесс управления и средств индивидуализации все чаще правами, является договор доверительного упоминаются в судебных спорах о природе управления имуществом, регулирование таких договоров. Вместе с тем, до сих которого отражено в главе 53 ГК РФ [1]. ни в судебной практике, ни в научных В сравнении с иными договорами из трудах до сих не выработаны единого перечня гражданско-правовых обязательств мнения по рассматриваемому вопросу. рассматриваемый договор наряду с другими. Рассматривая правовую природу договора, имеет ряд особенностей, характерных только нельзя не определить его место в системе для его правовой природы. Вместе с тем, обязательств существующих гражданских доверительное управление исключительными правоотношений, как подметил В.В. правами порождает дополнительные Витрянский [2]. Исходя из вышесказанного, особенности ввиду их нематериального представляется целесообразным исследовать характера в отличие от вещных объектов. правовую природу договора доверительного

За последние годы договоры управления исключительными правами,

анализировать его отличительные правовые характеристики, а также изучить проблемы применения и классификации таких договоров в судебной практике [3].

Договор доверительного управления исключительными правами следует отнести к условной группе договоров в системе договоров интеллектуальной собственности, предмет которых не имеет своей целью определенным образом распорядиться исключительными правами для обеспечения их использования. В современном динамично развивающемся обществе любая группа возникающих общественных отношений, так или иначе, связана с процессом управления правами (продажа прав требования по договору, распоряжение долями в уставе общества и другие). Управление правами представляет собой процесс, при котором возникают в результате гражданско-правовых отношений. Для гражданского права характерно использование понятие «обязательство» в двух значениях:

1) как конкретную обязанность стороны по выполнению действий, о которых данная сторона договорилась с иной стороной. Это могут быть различные виды выполнения, такие как оплата суммы денег, передача товаров или оказание услуг.

2) как отдельный вид гражданского правоотношения, порождающий целую совокупность прав и обязанностей. В этом случае, обязательства рожают сложный комплекс прав и обязанностей для сторон, включая их право на исполнение и возможные последствия в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения.

Изучение обязательств является важной задачей для юристов и специалистов в сфере гражданского права. Такое понимание позволяет анализировать и оценивать правовые последствия определенных действий или бездействий сторон, а также защищать интересы клиентов и обеспечивать соблюдение законодательства во время исполнения обязательств [4].

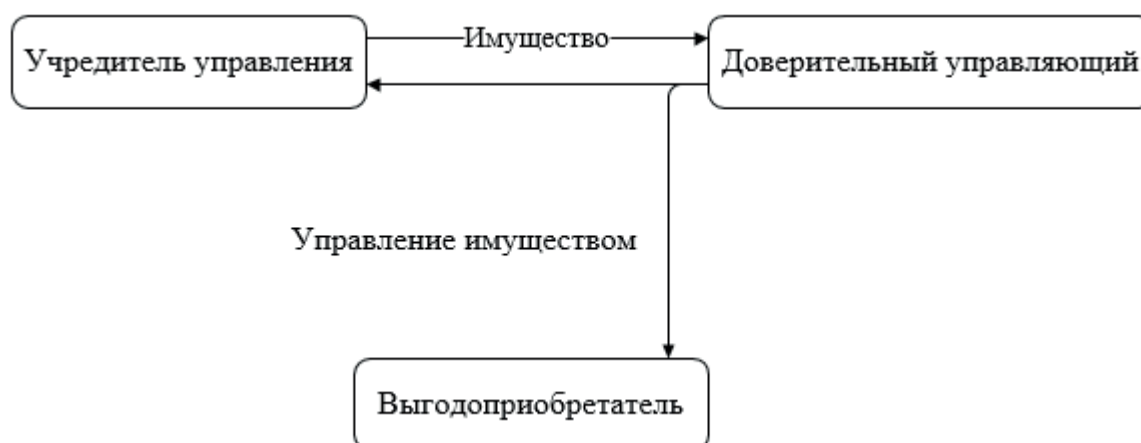
В целом, обязательства в гражданском праве являются частью построения правовых отношений между различными сторонами. Они определяют область действия и ответственность каждой стороны в рамках заключенного соглашения и обеспечивают его исполнение в соответствии с требованиями закона.

Гражданское законодательство Российской Федерации [5] предусматривает множество способов передачи правомочий по управлению исключительными правами. Например, «управление правом» в контексте исключительного права автора на произведение содержит в себе несколько правомочий:

- распоряжение исключительным правом;
- самостоятельное использование исключительного права;
- действия, направленные на защиту и охрану исключительного права [6].

Суть договора доверительного управления имуществом, согласно статье 1012 Гражданского кодекса Российской Федерации, можно представить на схеме 1.

Схема 1.

Отсутствие надлежащего законодательного регулирования может привести к разным толкованиям и противоречивым мнениям относительно юридической природы договора доверительного управления исключительными правами. Отсутствие ясных и точных положений в законодательстве о данном договоре может затруднять его применение в практической деятельности.

Необходимо отметить, что по одному из мнений договор доверительного управления признается договором оказания услуг, так как его суть заключается в предоставлении услуг распорядителем [7].

В целом, некоторые авторы рассматривают договор доверительного управления как способ использования исключительных прав, в то время как другие видят его как средство распоряжения этими правами [8]. Например, некоторыми исследователями высказывается мнение о правовой природе рассматриваемого договора, заключающейся в передаче и управлении объектом исключительных прав в пользу доверительного управляющего, а некоторыми как о договоре, не имеющем юридического содержания и не являющимся самостоятельной договорной конструкцией [9]. В этом случае исключительные права формально не являются объектом договора, а доверитель управляет ими от своего имени по договору, заключенному на ином основании, например, на основании лицензии или другого аналогичного договора [10]. И все же, независимо от мнений относительно юридической природы договора доверительного управления исключительными правами, следует отметить, что при возникновении споров или разногласий сторонам приходится опираться на общие нормы гражданского права или пытаться адаптировать их к ситуации договора доверительного управления исключительными правами [11].

Законодательная неопределенность создает трудности в определении правовой природы рассматриваемого договора, а, следовательно, в определении правовых норм, применяемых к его регулированию.

Для наиболее точного определения правовой природы не только рассматриваемого, но и любого другого договора, необходимо выявить волю сторон при его заключении и определить основные характеризующие признаки, которым отличается данный договор от подобных ему. В целом, в системе гражданско-правовых обязательств необходимо отразить правовую природу договора, которая, во-первых, до сих пор окончательно не определена, а во-вторых, состоит из большого количества составляющих, что позволяет сделать вывод о слабой степени нормативного регулирования данной договорной конструкцией [12]. Несмотря на стремительное развитие эффективного использования интеллектуальной собственности, включая ее законное использование в интернете, существуют существенные проблемы применения в практической деятельности [13, 14, 8].

Обобщив изложенное, можно сделать следующие выводы.

Существующее на сегодняшний день законодательное регулирование содержит положения, определяющие понятие и характеристики доверительного управления имуществом. Исключительные права названы в качестве одного из возможных объектов такого договора, однако кроме указанного положения, не определены иные правила регулирования общественных отношений по данному договору. Вместе с тем, договор доверительного управления исключительными правами обладает рядом особенностей, отличающих его от договора доверительного управления имуществом. Одно из наиболее значительных отличий – предельный срок действия договора. Другая отличительная особенность – отсутствие факта передачи исключительного права как это характерно для материальных объектов [15]. Исходя из вышеперечисленных особенностей рассматриваемого договора, а также в связи с отсутствием четких законодательных положений по вопросу его регулирования, существует несколько основных подходов к определению правовой природы договора доверительного управления исключительными правами:

- это договор, предусматривающий передачу исключительных прав;

- это несостоятельный договор, так как управление исключительными правами без совокупности с другими имущественными правами невозможно;

- это договор с характером лицензионного договора.

Для цели определения правовой природы договора доверительного управления исключительными правами его основные характеристики были проанализированы с характеристики смежных для него договоров, на основании чего были выделены отличающие договор особенности:

- управление правами возможно только за счет третьего лица;

- управление может быть осуществлено в отношении любых исключительных прав;

- доверительным управляющим могут быть использованы объекты интеллектуальной собственности, но только в

интересах правообладателя.

Пересмотр законодательства поможет учесть новые тенденции и проблемы, которые возникают при заключении таких договоров. В настоящее время, существующие правовые нормы зачастую не отражают все особенности договора доверительного управления исключительными правами, что может приводить к неопределенности и конфликтам между сторонами. Поэтому, важно разработать новые правила, которые бы устанавливали ясные и понятные критерии для заключения и исполнения таких договоров. В целом, пересмотр законодательства относительно договора доверительного управления исключительными правами является необходимостью в современном мире [16]. Только через создание ясных и справедливых правил, мы можем обеспечить стабильность и развитие интеллектуальной собственности, что в свою очередь способствует созданию инновационной и конкурентоспособной экономики.

Список литературы:

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 29.01.1996, № 5, ст. 410.

[2] Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Кн. 2: Договоры о передаче имущества. М.: Статут, 2000. С. 608 - 609.

[3] Барышников М.Ю. Самозащита гражданских прав в сфере международного частного права // Право и управление. 2024. № 1. С. 60-65.

[4] Барышников М.Ю. Самозащита гражданских прав в сфере международного частного права // Право и управление. 2024. № 1. С. 60-65.

[5] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 29.01.1996, № 5, ст. 410.

[6] Самигулина А.В. Актуальные вопросы систематизации и классификации договоров в праве интеллектуальной собственности // Право и экономика. 2021. № 12. С. 52 - 58.

[7] Бузова Н.В. Договорные отношения с участием исполнителей, изготовителей фонограмм и организаций вещания // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 14. № 5. С. 195.

[8] Маковский А. Л. О кодификации гражданского права (1922–2006). – М., 2010. 736 с.

[9] Барышников М.Ю. Самозащита гражданских прав в сфере международного частного права // Право и управление. 2024. № 1. С. 60-65.

[10] Нагородская В.Б. Новые технологии (блокчейн / искусственный интеллект) на службе права: научно-методическое пособие / под ред. Л.А. Новоселовой. М.: Проспект, 2019. 128 с.

[11] Самигулина А.В. Актуальные вопросы систематизации и классификации договоров в праве интеллектуальной собственности // Право и экономика. 2021. № 12. С. 52 - 58.

[12] Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Кн. 2: Договоры о передаче имущества. М.: Статут, 2000. С. 608 - 609.

[13] Гришаев С.П. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая. Постатейный комментарий // СПС КонсультантПлюс URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=CMB&n=19047&dst=0&demo=1> (дата обращения: 25.06.2025)

[14] Кеньшева М.В. Особенности правового регулирования исключительных прав как объектов доверительного управления // В сборнике: частное право в эволюционирующем обществе: традиции и новации. Сборник научных статей Всероссийской научной конференции, посвященной памяти доктора юридических наук, профессора В.Н. Сусликова. 2019. С. 328-331;

[8] Маковский А. Л. О кодификации гражданского права (1922–2006). – М., 2010. 736 с.

[15] Нагродская В.Б. Новые технологии (блокчейн / искусственный интеллект) на службе права: научно-методическое пособие / под ред. Л.А. Новоселовой. М.: Проспект, 2019. 128 с.

[16] Дикажев М.М. Общая характеристика мониторинга российского законодательства как элемента правовой политики // Право и управление. 2024. № 1. С. 28-32.

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation (part two) of 26.01.1996 No. 14-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation, 29.01.1996, № 5, art. 410.

[2] Braginsky M.I., Vitryansky V.V. Contract Law. Book 2: Agreements on the Transfer of Property. Moscow: Statut, 2000. Pp. 608 - 609.

[3] Baryshnikov M.Yu. Self-defense of civil rights in the sphere of international private law // Law and Management. 2024. № 1. Pp. 60-65.

[4] Baryshnikov M.Yu. Self-defense of civil rights in the sphere of international private law // Law and Management. 2024. № 1. Pp. 60-65.

[5] Civil Code of the Russian Federation (part two) of January 26, 1996, No. 14-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation, January 29, 1996, № 5, Art. 410.

[6] Samigulina A.V. Current issues of systematization and classification of contracts in intellectual property law // Law and Economics. 2021. № 12. Pp. 52-58.

[7] Buzova N.V. Contractual relations with the participation of performers, producers of phonograms and broadcasting organizations // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2021. Vol. 14. № 5. P. 195.

[8] Makovsky A.L. On the codification of civil law (1922–2006). – М., 2010. 736 p.

[9] Baryshnikov M.Yu. Self-defense of civil rights in the field of international private law // Law and management. 2024. № 1. Pp. 60-65.

[10] Nagrodskaya V.B. New technologies (blockchain / artificial intelligence) in the service of law: scientific and methodological manual / edited by L.A. Novoselova. Moscow: Prospect, 2019. 128 p.

[11] Samigulina A.V. Actual issues of systematization and classification of contracts in intellectual property law // Law and Economics. 2021. № 12. Pp. 52 - 58.

[12] Braginsky M.I., Vitryansky V.V. Contract law. Book 2: Property transfer agreements. М.: Statut, 2000. Pp. 608 - 609.

[13] Grishaev S.P. Civil Code of the Russian Federation. Part Four. Article-by-Article Commentary // SPS ConsultantPlus URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=CMB&n=19047&dst=0&demo=1> (accessed 25.06.2025)

[14] Kensheva M.V. Features of Legal Regulation of Exclusive Rights as Objects of Trust

Management // In the collection: Private Law in an Evolving Society: Traditions and Innovations. Collection of scientific articles of the All-Russian Scientific Conference dedicated to the memory of Doctor of Law, Professor V.N. Suslikov. 2019. Pp. 328-331.

[8] Makovsky A.L. On the Codification of Civil Law (1922-2006). - M., 2010. 736 p.

[15] Nagrodskaya V.B. New Technologies (Blockchain / Artificial Intelligence) in the Service of Law: Scientific and Methodological Manual / ed. L.A. Novoselova. M.: Prospect, 2019. 128 p.

[16] Dikazhev M.M. General characteristics of monitoring Russian legislation as an element of legal policy // Law and Management. 2024. № 1. P. 28-32.

Сдано в набор 10.02.2025. Подписано в печать 19.02.2025.

Формат 60х90/8. Печ. л. 4,25. Тираж 100 экз. Заказ № 9.

Отпечатано в типографии ИП Миронова В. В.

г. Орехово-Зуево Московской области, ул. Ленина, д.102.